

3103
167

3211
K-11

К ВОЗРОЖДЕНИЮ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ.

Нижегородская ярмарка 1922 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. Г. Н. ЧЕРДАНЦЕВА.

Издание ТЭС.
ТАШКЕНТ, 1923 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

13088-50

2004175242

МОНЕТОНООС

Народно-хозяйственное значение Нижегородской ярмарки 1922 года, впервые после долгого перерыва организуемого крупного государственного рынка, выдвигало необходимость оценки общих экономических процессов современной торговли на измененных войной и революцией путях.

В соответствующем освещении этих путей нуждался и Средне-Азиатский экономический район, связанный с Нижегородской ярмаркой десятилетиями торгового обмена.

Посильным ответом на поставленные жизнью вопросы явился предлагаемый небольшой сборник статей.

Проф. Г. Н. Черданцев.

Желая произвести отбор и систематизацию материалов, определяющих положение Средней Азии на путях торгового обмена с возрождающейся в России Нижегородской ярмаркой, Председатель Туркестанского Экономического Совета Н. А. Паскуцкий поручил мне составить группу лиц, кои могли бы выполнить такую работу.

Группа была мной организована в составе студентов-экономистов Туркестанского Государственного Университета М. П. Демидова, А. Г. Сахарова и пишущего эти строки.

Проделанная группой работа, выливающаяся в издаваемый сборник, сопровождается вводными и заключительными статьями Ю. И. Пославского и Г. Н. Черданцева.

Еф. Бурштин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Ч е р д а н ц е в Г. Н.—«Возрождение ярмарок в исторической перспективе»	1
2. С а х а р о в А. Г.—«Нижегородская ярмарка 1922 года»	13
3. Д е м и д о в М. П.—«Кредит на Нижегородской ярмарке 1922 г.»	33
4. Б у р ш т и н Е. И.—«Транспорт в период Нижегородской ярмарки 1922 года»	43
5. П о с л а в с к и й Ю. И.—«Торговый оборот и линии торгового тяготения Туркестана»	63

Г. Н. ЧЕРДАНЦЕВ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯРМАРОК

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.

I.

Ярмарка, как форма обмена, возникла с момента зарождения междухозяйственных связей, и, следовательно, история ее уходит в даль многих тысячелетий.

Но роль и значение ярмарок в прошлом историческом опыте хозяйственной жизни в различные эпохи не оставались одними и теми же. Напротив, в каждую эпоху, в зависимости от общих экономических условий последней, ярмарки приобрели особый, свойственный данной эпохе характер, играли совершенно специфическую роль в общей структуре обмена и получали разнообразное значение в экономическом укладе страны.

Ярмарка возникает в самые ранние эпохи родового и племенного натурального хозяйства, как первоначально случайное, а затем и систематическое явление междуплеменного обмена. В условиях этого хозяйства ярмарка выступает, как универсальная форма междухозяйственных связей, практикующая обмен в натуральных формах и развивающая первые зачатки торговых обычая. Здесь ярмарка — фактор распространения немногих, свойственных только тому или иному племени продуктов производства, выработки форм мирного межплеменного общения в самой технике обмена.

Таковы были ярмарки на славянской границе государства франков, ярмарки у, так называемых, современных «нецивилизованных народов» (например, ярмарки в Килиманджаро между землевладельцами и скотоводами) и т. д.

В условиях установившегося прочного земледельческого хозяйства и возникновения территориально-хозяйственных образований ярмарочные формы получают дальнейшее развитие. Наряду с международными ярмарками возникают и внутренние ярмарки, как способ меновых связей отдельных намечающихся хозяйственных локальных образований. Прежние натурально-меновые и примитивно-денежные формы ярмарочного торга заменяются постепенно более совершенными, с все возрастающим применением денег в форме чеканной монеты, зачастую выпускаемой для ярмарки. Ярмарка в этих условиях, оставаясь все еще универсальной формой международного и внутреннего обмена, начинает чрезвычайно многосторонне влиять на различные стороны материальной и духовной жизни народа.

Остались исторические свидетельства о ярмарках в древней Греции, приурочившихся к большим национальным и религиозным праздникам. Таковы были ярмарки на острове Делосе, в Олимпии, в Дельфах и т. д. Существовали и городские ярмарки, как рынки жизненных припасов и мелочного торга. И в античном мире были ярмарки, устраиваемые под охраной «божьего мира» религиозных праздников (*mercatus*), наряду с которыми существовали еженедельные ярмарки (*nundinae*), как рынки, об'единявшие городское и сельское население (упоминание о них уже сохранилось в законе Двенадцати таблиц).

Древнегреческие и римские ярмарки регулировались соответствующими органами (в Греции—агорономы, в Риме—эдилы).

Цоощряя народно-хозяйственное разделение труда, ярмарка способствовала постепенному появлению постоянного рынка, возникновению бродячих торговцев, т. е. выделению, как торговой, так и промысловой профессий.

Вместе с тем она влияла на улучшение средств сообщения и передвижения, на развитие строительной деятельности, на возникновение новых потребностей и вкусов. В средневековые ярмарочные площади перед церквями Западной Европы становятся местом народных увеселений, где развиваются самые разнообразные стороны духовного творчества народа, где народ не только торгует, бражничает и веселится, но и запасается новыми идеями, творит новое хозяйственное право, создает новые хозяйственные ценности, вырабатывает новый язык и новую светскую литературу.

С выделением ремесла, как отдельной профессиональной деятельности, из сферы сельского хозяйства, с развитием в Западной Европе в позднее средневековье (XI—XV ст.) городской жизни, появлением постоянных рынков в городах, восстановлением связей с более культурным Востоком, ярмарочные формы достигают высокого развития и получают особое значение. Страны Западной Европы (в XI—XV ст.) и России (в XIII—XVIII ст.) представляют собой комплексы районных хозяйств со связующими каждый район в целое городскими центрами, как средоточием обрабатывающей промышленности и внутренним рынком данного района. Но междурайонный обмен, основывающийся на избытках производства данного района, а также на развившихся постепенно местных характерных чертах районного производства, обслуживается ярмарками. Последние получают значение распределительных центров крупной внутренней торговли.

Вместе с тем на ярмарках сосредоточивается и оживляющий международный обмен. Ярмарки в графстве Шампань (12—14 ст.), Женеве (14—15 ст.), Лионе (15 ст.) и ряде других крупнейших центров Западной Европы представляют собою в полном смысле слова международные торжища, проходящие в некоторых из этих пунктов по несколько раз в год. Местный характер производства, ограниченность его технических средств, обуславливающая незначительные размеры продукции, примитивный характер путей сообщения и средств сношения, натурально-меловой характер хозяйства в целом—все эти черты эпохи прекрасно гармонируют с характером

ярмарочного обмена. Неудивительно поэтому, что эпоха позднего средневековья является характерной ярмарочной эпохой; ярмарки являются признаком некоторого зарождающегося народно-хозяйственного единства и первой слабой связью международного производства.

В эпоху нового времени (16—18 ст.) ярмарки продолжают еще сохранять крупное значение в общей организации торговли. Правда, торговля приобретает уже оседлый характер не только в крупных, но отчасти и в более мелких городах и даже в деревнях. Происходит известная специализация в области внутренней торговли, и последняя, постепенно утрачивая свой ремесленный, средневековой характер, получает новые капиталистические черты. В связи с этим рынок обнаруживает тенденцию утратить локальную конкретную ограниченность своего выявления, характер периодического, связанного с определенным пунктом, базара.

Но тем не менее и производство, и транспорт сохраняют все еще средневековую техническую основу. В связи с этим остаются и локальная связь внутреннего оборота, и тяжеловесные конкретно базарные формы международно-хозяйственных связей. Вот почему с исхода средневековья в течение трех столетий слишком сохраняются формы ярмарочного обмена и во внутренней, и во внешней торговле. Кастильские ярмарки 16 ст., Франкфуртские 17-го, Лейпцигская ярмарка 18-го ст.—все это крупнейшие международные ярмарки Западной Европы, чтобы упомянуть только некоторые из многих. Наряду с этим сохраняются и внутренние ярмарки, приобретающие характер периодических рынков сезонных товаров и периодических специальных базаров: из когда-то универсальной формы обмена ярмарки превращаются в одну из подсобных форм. Вместе с тем капиталистический дух новой эпохи накладывает на ярмарку свою печать, не только специализируя последнюю, но и развивая самые формы ярмарочной техники (напр., знаменитые в начале эпохи нового времени Генуэзские всесельные ярмарки).

Технический переворот в сфере промышленного производства, а затем путей сообщения и средств сношений, связанный с концом 18 ст., проявил все свои последствия в смысле перестройки хозяйственной жизни только к 70 г. г. XIX стол. в Западной Европе и лет на 30 позже в России. Сущность его выразилась в расширении рынка и его абстрактном характере, в الشедшем параллельно с этим уничтожении локальной ограниченности обмена, с уменьшением влияния на торговый оборот пространственных и временных условий.

Вместе с тем и формы организации обмена существенно изменились. Рационалистические тенденции эпохи позднего капитализма в сфере обмена расчленили отдельные виды торговли, создав особые аппараты для внешней и внутренней торговли и подразделив последнюю в организационном отношении на оптовую и розничную, с различными видами той и другой и сложными рационалистическими комбинациями последней. Для ярмарок в этих новейших условиях оставалось все меньше и меньше места. С одной стороны, их вытесняли товарные биржи и магазины—базары, с другой—все большая

и большая густота прочных мирохозяйственных связей устранила необходимость конкретных пунктов международного обмена. Им оставалась функция сезонного базара или периодического специального рынка.

Неудивительно поэтому, что в Западной Европе ярмарки в своем былом значении начали отходить все более и более в область прошлого — в Германии уже с 70—90 г. г. XIX века, и то же явление можно было двумя — тремя десятками лет позже наблюдать и в России.

В Германии И. Г. Гофман уже в 1841 году писал, что ярмарки «настолько утратили значение для крупных городов, что большая часть населения последних едва ли даже знает о том, что в данный момент происходит ярмарка». Через тридцать — сорок лет развитие в том же направлении пошло дальше, и ярмарки сохранили значение лишь в местностях с очень бедными средствами сообщения, преимущественно для небольших местечек. Мировые немецкие ярмарки стали падать уже со второй половины XIX в. Так, ярмарка (Messe) во Франкфурте н/М. 1240 г. стала замирать с 50-х г.г., во Франкфурте н/О. 1253 г. с той же эпохи, в Лейпциге ярмарка достигла максимума привоза товаров в 60-х г. г. и т. д.

Тот же процесс в конце XIX ст. наблюдался в России.

Несомненно, что форма ярмарочной торговли в дальнейшем развитии форм обмена ограничилась бы теми специальными и узкими формами, которые указаны выше.

II.

Но произошла мировая война. Она имела одним из своих важнейших последствий разрыв торговых связей в международном масштабе, который сказался не только во время самой войны, но и продолжал сказываться все последующие после войны годы. Несколько цифр хорошо иллюстрируют этот процесс.

Тоннаж пришедших и ушедших судов из портов главнейших стран выражался (в тыс. тонн) в среднем за месяц в 1913 и 1920 г.г.—в Великобритании—9651 и 6092, Франции—5052 и 3811, Нидерландах—2347 и 1252 и даже в Норвегии—708 и 397. Только Соединенные Штаты обнаружили существенное увеличение: 8923 т. тонн за месяц в 1913 году и 10996 т. тонн в 1920 году. Грузовое движение судов через Суэцкий канал в 1913 г. составляло в нетто-тоннах 20,030,000 постепенно падая, в 1917 г. опустилось до 8,370,000 и поднялось к 1920 г. до 117,470,000 тонн (нетто-тоннаж). Грузооборот важнейших портов мира, в соответствии с приведенными цифрами, обнаружил также чрезвычайное понижение во всех культурных странах, кроме С. Ам. Соед. Штатов. Правда, мировой тоннаж торговых судов крупнейших стран продолжал расти и увеличился для них с 45.404.000 тонн в июне 1914 г. до 47.879.000 в июне 1919 г. и даже 53.904.688 в июне 1920 г. Однако, вместе с этим, отдельные государства, как Россия и Германия, испытали чрезвычайную потерю тоннажа. Так, в Германии тоннаж с 5.135.000 в июне 1914 г. упал до 419.000 в июне 1920 г.

Изменение внешней торговли 20-ти важнейших стран по весу в 1913, 1919 и 1920 г.г. в % к средней четверти 1913 года выражалось: по экспорту в 1919.—56,2 (по четвертям года: 44,1; 57,4; 63,1; 60,4), в 1920 г. (за три четверти)—67,9 (по четвертям: 59,7; 68,2; 75,9); по импорту—в 1919 г.—59,3 (по четвертям: 46,9; 56,6; 67,4; 66,2), в 1920 г.: 57 (по четвертям 65,9; 76,4; 85,7).

Другими словами, количественно мирохозяйственные связи ослабли почти в два раза с 1913 г. к 1920 г. Если взять цифры специально по России, то, в связи с ее особым положением, это вынуждение из мирохозяйственных связей будет еще более ярким. Так, в 1913 году привоз и вывоз составляли:

Годы	Привоз	Вывоз	
			в тысячах рублей.
1913	1.374 034	1.520.133	
1914	1.097.987	956.090	
1915	1.138.564	401.834	
1916	2.451.199	577.297	
1917	2.316.748	463.963	
1918	61.069	7.544	
1919	3.032	109	
1920	37.202	1.085	
1921	248.675	21.307	

Таким образом, общий внешний торговый оборот России по ценности в 1921 г. составлял 9,3% по сравнению с 1913 г., т. е. упал в 10 с лишним раз.

Технической основой народнохозяйственных связей в первую очередь являются железные дороги. Они потерпели за время войны чрезвычайное ослабление и разрушение, оказавшиеся на всех сторонах железнодорожного хозяйства. Его техническая основа в путях и сооружениях, а также подвижном составе оказалась весьма расшатанной по сравнению с довоенным временем, а в некоторых странах, наиболее пострадавших, как Россия, пришедшей в катастрофическое состояние. Административно-техническая организация ослабела, железнодорожный аппарат, который должен функционировать, как часовой механизм, превратился в груду действующих без связи частей (Россия). Экономическая сторона эксплоатации, в одних странах менее, а в других более, превратилась в экономическую эксплоатацию страны. В России, по меткому выражению проф. Гриневецкого, «железные дороги, вместо того, чтобы быть артериями экономического кровообращения, обратились в гигантские кровососные банки, которые способны в течение короткого

времени совершенно экономически обескровить истощенный организм России» (Проф. Гриневецкий «Послевоенные перспективы русской промышленности» 1918 г.).

Это же положение оказалось и в других средствах сообщения, а именно: внутреннем водном транспорте и транспорте гужевом. Совокупность затрат на восстановление рельсового транспорта, в пределах существующих линий, а также водного и гужевого надо считать для ближайших 10—12 лет в пределах от $2\frac{1}{2}$ до 4 млрд. рубл. для России (проф. Гриневецкий), из коих около 90% падает на возрождение железнодорожных путей.

Эти цифры, на наиболее резком примере России, характеризуют ту степень оскудения технической основы экономического взаимодействия, которое отмечает последние годы.

Но падение технических предпосылок крепких народно-хозяйственных связей сопровождалось и экономическим ослаблением последних. Падение народно-хозяйственной производительности труда во всех отраслях, емкости внутреннего рынка, кредитных связей, денежной системы, географическое и политическое перераспределение производящих центров в результате всех военных и последующих хозяйственных и политических процессов, а специально для России и проводившееся до 1921 г. устранение от поддержания внутренних торговых связей частнохозяйственного аппарата довоенного времени, в своей совокупности, должны были привести и фактически привели к распадению народнохозяйственного целого на ряд отдельных хозяйственных районов, не спаянных или слабо спаянных в одно целое.

Это был процесс распада сложного организма на отдельные группы клеток, которые могли поддерживать между собою связь не в формах беспрерывного обмена веществ, а в форме спородических связей и соприкосновений. В результате на фоне общего упадка ярче выявилась элементарная индивидуальность районного хозяйства, и целое, воспринимавшееся ранее в ряду локальных черт, превратилось в комплекс локальных индивидуальностей, отражающих общее только во взаимном тяготении друг к другу — именно своими особенностями.

Здесь снова, в одних странах более резко, как Россия, в других менее резко, как Германия, Австрия, отчасти Франция, выявился на первый поверхности взгляд, возврат к старым, давно изжившим хозяйственным формам существовавшим до второй половины XIX в. и имевшим свой расцвет в позднее средневековье.

Но это представление, именно, первое и неглубокое. Вторичное переживание в процессе регресса былых хозяйственных форм прежде всего никогда не бывает и не может быть простым повторением прежнего уже по одному тому, что всякий регресс сохраняет известные черты и особенности достигнутых в прошлом степеней и форм развития и, следовательно, является по существу новой фазой последнего. Глубокая старость, воспроизводя некоторые черты младенчества, не является, однако, повторением последнего, но лишь последним этапом развития человеческой «себи». В регрессах быстрых не

органических, а динамических оживление подобия прежних форм означает только временное явление глубокой антагонистичности отдельных динамических процессов развития. В результате оно приводит к полному устраниению или частичному преодолению антагонизма, к новым формам развития.

На фоне изменения в последние годы общей хозяйственной ситуации в ряде стран Западной Европы и России в сфере обмена вновь оживают ярмарочные формы.

III.

В Западной Европе по окончании войны, а в России с установлением политики НЕПа обнаруживается тенденция к восстановлению или укреплению разрушенных или ослабленных мировыми событиями народнохозяйственных связей. В Германии вновь оживают ее мировые ярмарки—Лейпцигская и Франкфуртская.

В России уже в январе 1922 года ярмарочная комиссия при Ц. Т. О. Высшего Совета Народного Хозяйства занялась вопросом о восстановлении ярмарочного торга. В марте 1922 г. была организована в Москве первая всероссийская контрактная ярмарка—съезд представителей органов государственной торговли и кооперации.

Первой крупной ярмаркой, возрождающейся из состояния разрушенной революционной эпохи, является Нижегородская ярмарка (Макарьевская ярм. с 1550 г.), открывшаяся в августе 1922 г. Вслед за этой ярмаркой проходит Бакинская ярмарка, а затем экономические органы Р.С.Ф.С.Р. переполнятся сведениями о вновь открываемых или намечаемых к открытию ярмарках.

Знаменитая когда-то Всесибирская Пробитская ярмарка (с 1643 г.), приобретшая впоследствии более ограниченное значение ярмарки пушного товара, тоже намечается к открытию 1-го февраля 1923 г.

Таким образом, возрождаются крупнейшие российские ярмарочные пункты, в известной закономерной последовательности, располагаясь от центра к периферии, т.е. так, как идет процесс восстановления экономического взаимодействия и торговых связей в масштабе существующей России.

Наряду с этими крупнейшими историческими ярмарочными центрами идет интенсивный рост местных ярмарок—губернского, уездного или даже мелко-районного характера. Регулирующие государственные органы последовательно стремятся к содействию ярмарочному обороту, иногда пытаясь при помощи открытия в тех или других пунктах ярмарочного торга содействовать возобновлению торговых связей и укреплению общего экономического распределительного аппарата страны. Так, например, Украинский Совет Народного Хозяйства собирается организовать Крещенские ярмарки в ряде крупнейших южных торговых центров России—Харькове, Чернигове, Одессе, Киеве, Виннице.

Все эти факты, которые было бы возможно привести в гораздо большем количестве, свидетельствуют о том, что, во-первых, ярмарка, как форма обмена и распределения, вновь оживает, во-вторых, что государственная

власть, правильно учитывая значение в современных экономических условиях России ярмарочного торга, сознательно стимулирует этот процесс.

Тот материал, который издается периодической печатью об ярмарочных оборотах и успехах или неудачах ярмарочного торга в том или другом пункте, свидетельствует, что в настоящее время общие результаты уже состоявшихся ярмарок в количественном отношении не велики. Однако, это, на первых порах, слабое практическое значение возрождающихся ярмарочных торжищ вовсе не может служить обоснованием для вывода, что возрождение ярмарок не имеет громадного не только принципиального, но и практического значения.

Неуспех отдельных ярмарок или слабая эффективность других, вполне естественны, т. к. они возникают в стране, пережившей уже в течение 8 лет нарушение нормальных экономических связей, из коих 4 года могут быть охарактеризованы, как полный распад народного хозяйства на отдельные, экономически несвязанные друг с другом территории. Понятно, что первая попытка восстановить в масштабе такой громадной страны, как Россия, народнохозяйственное разделение труда на базе истощенного империалистической и гражданской войной хозяйства, утратившей не только значительную долю своей производительности, но и своих организационных навыков, не может не быть процессом длительным и трудным. Но уже сам факт восстановления торговых центров, общения в них отдельных экономических районов в России, выработки вновь экономического и технического умения торговать представляет факт громадной важности и является залогом того, что дальнейший опыт ярмарочного торга должен будет давать все лучшие и лучшие практические результаты.

IV.

В настоящих экономических условиях России, а отчасти и Западной Европы, ярмарки, как указано выше, вновь получают значение собирательных и распределительных пунктов товара, как общей, так и специальной торговли. Ярмарки способствуют, в условиях существования народного хозяйства России, выявлению наличных товарных масс и целесообразному экономическому распределению последних. С улучшением аппаратов государственной торговли, а, в особенности, торговли кооперативной и, наконец, частно-хозяйственного оборота, эта функция ярмарок в России будет иметь весьма существенное значение на ближайший ряд лет.

Кроме того, ярмарки вновь получают значение периодических специальных сезонных базаров на определенные товары, и те известия, которые дает нам о российских ярмарках текущая экономическая пресса, указывают на возникновение, наряду с ярмарками общими, и ярмарок специальных. Далее, во внутреннем торговом обороте нашей эпохи ярмаркам уже принадлежит весьма важная роль восстановителей и распространителей коммерчес-

ких знаний, коммерческой техники и коммерческого опыта, данного вам довоеволюционным прошлым. В этом отношении «педагогическое» значение ярмарок не может быть недооцениваемо. Именно ярмарки становятся рассадниками, на первых порах, хотя бы элементарных коммерческих знаний и коммерческой техники, которых так не хватает не только нашим частным торговцам, но также общественным и государственным торговым органам. Государственная, кооперативная и частная торговля, именно на ярмарках, взаимно обогатятся коммерческим опытом и коммерческими знаниями в новых условиях.

Наконец, чрезвычайно крупная роль современных ярмарок во внутреннем обороте страны заключается в том, что они косвенно будут влиять на оздоровление всех сторон нашего народнохозяйственного уклада и нашей практики. Основные для современного народного хозяйства России вопросы кредита, улучшение нашего денежного обращения, поддержка и постоянные корректизы нашего больного транспорта, запросы к повышенной жизнедеятельности наших государственных торговых органов и органов регулирования вообще—все это, в своей совокупности, ярмарочный торг ставит на очередь и повелительно требует практического разрешения указанных основных вопросов.

Таково в кратких чертах современное значение ярмарок во внутреннем торговом обороте и народнохозяйственной жизни России.

Но не надо забывать, что на первом плане перед русским народным хозяйством стоит настоящий вопрос об оживлении торговых сношений с внешним и международным рынком. В этом основном вопросе современные ярмарки, в процессе своего развития, также могут явиться ключом к развитию последнего. Те неудачи, которые претерпели в этом пункте отдельные попытки, например, Бакинская ярмарка, не должны обескуражить. Исторические формы развития ярмарочного торга являются той основой, по которой шло международное торговое взаимодействие в прошлом. Нет никаких оснований отвергать возможность такого же значения ярмарок в этом отношении и в настоящем. Тем более, что формы ярмарочного торга вовсе не связаны с разрешением основных принципиальных вопросов и являются чрезвычайно эластичной формой, поддающейся каждый раз особому, специальному регулированию, в зависимости от всей конкретной обстановки.

Тот процесс возрождения торговых путей и пунктов, который мы наблюдали на Западе, в более ослабленном, и в России, в силу ее специфических условий, в значительно более ярком выявлении, естественно развивается на первых порах по линии восстановления именно внутренних торговых связей. Но этот процесс для России при сохранении существующих экономических тенденций окажется быстро пройденным, и тогда экономически неизбежно ярмарочный оборот выйдет из сферы оборота внутреннего и связывается с внешним миром. В ближайшем будущем можно расчитывать на возникновение в России, в ее крупнейших исторических ярмарочных цент-

рах, оживленного международного торгового оборота. Это будет довершением той исторической задачи, которую призваны сыграть ярмарки в условиях современной экономики России.

V.

Та историческая перспектива, на фоне которой современные ярмарки получают особое значение и специальную историческую миссию, дает достаточное основание к у становлению и более далеких исторических перспектив.

Ярмарки в нашу эпоху, как из изложенного явствует, и возникают в результате разрыва внутрихозяйственных связей и локальной изоляции отдельных районов. Последняя обуславливается всей совокупностью хозяйственных условий—состоянием производства, транспорта, средств сообщения и, вообще, социально-технических связей, при существующих формах кредитного и денежного оборота. Все эти условия не только благоприятствуют современному развитию ярмарок, но и определяют их дальнейшую судьбу. Как скоро ярмарочному обороту удастся, в связи с общим ходом развития, разрушить замкнутость отдельных хозяйственных районов, как только производство дойдет до того уровня, на котором оно остановилось в довоенную эпоху, как только изменится транспорт и средства сообщения и приобретут прежнюю функциональную роль формы социально-технических связей, кредитные и денежные, так ярмарка вновь утратит то значение, которое она исторически получила в настоящий момент в условиях прежде всего русского, а затем и международного хозяйства. Товарные биржи, комиссионные конторы, посредники и комивояжеры, специальные выставки экспонатов, постоянные базары, как форма торга наличным товаром—все это будет конкурировать с ярмаркой и сведет ее роль до того минимума, который ярмарка все же сохраняет, как известная специфическая форма торгового оборота.

Но до этого более или менее отдаленного будущего ярмарке принадлежит большая историческая роль в восстановлении русского народного хозяйства, и то возрождение торговых путей, которое вызвали и вызывают ярмарки, есть только начало весьма длительного процесса оживления застывших и парализованных артерий внутреннего торгового и международного оборота.

Туркестану, как определенному народнохозяйственному району России, принадлежит своя доля участия в этом историческом движении, начатым им с Нижегородской ярмарки.

А. Г. САХАРОВ.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА

1922 года.

1.

Переход в системе свободного товарооборота в связи с новой экономической политикой поднял перед руководящими экономическими органами страны вопрос о восстановлении части бывших институтов торговли.

В частности о возрождении ярмарок вопрос был поднят в ряде центральных учреждений еще в январе 1922 года. Ускорению его разрешения значительно содействовал разразившийся в феврале—марте того же года торгово-промышленный кризис. Положительное решение вопроса о ярмарках в специально для этого созданной комиссии, в марте воплотилось в жизнь: в Москве была организована контрактовая ярмарка.

Но параллельно велась работа по изучению возможности возрождения центральных ярмарок, имеющих всероссийское значение: Пробитской, Нижегородской и т. п. При Совете Труда и Обороны уже в марте была организована Особая Полномочная комиссия по восстановлению Нижегородской ярмарки, которая в контакте с Управлением Регулирования Торговли ВСНХ занялась обследованием перспектив ярмарочного торга.

Собранный комиссией среди торговых организаций анкетный материал уже заранее говорил о некоторых возможностях благополучного исхода затеянного дела. Это окрылило надежды заинтересованных ведомств. С невероятной для современной России скоростью уполномоченным комиссии была проведена работа по техническому восстановлению ярмарки. Сама же комиссия в том же порядке разработала ряд положений: о ярмарочном комитете, о регламенте действия ярмарки и т. п.

1 августа в торжественной обстановке ярмарка была открыта,

11.

После опубликования официальных сообщений о предполагаемом открытии ярмарки, на местах началась работа по организации комитетов для содействия ей. Роль этих местных комитетов, безусловно, заслуживает положительной оценки, поскольку слабая связь местных фирм с центром затруднила бы получение информационных сведений и поскольку облегчалось использование льгот, представляемых единицами в Нижний фирмам.

В частности, такой комитет был создан и в Туркестане, причем в числе других его работ интересна организация прямых, на ярмарку, сборных товарных маршрутов.

С'езд торговцев на ярмарку начался рано. Все спешили обеспечить себя помещением, выполнить заранее необходимый ремонт, сделать остальные подготовительные работы.

Но этот с'езд был крайне недружный, очень осторожный. К моменту открытия ярмарки около 75% прибывших фирм составляли государственные торговые организации. Лишь через две недели картина несколько меняется: количество государственных фирм к началу ярмарки, к 15 августа—утраивается (приблизительно), частных—увеличивается в 5 раз, кооперативных—удвоится. За вторую половину августа темп прибытия новых организаций, особенно государственных, значительно замедляется, и к 1 сентября—моменту наибольшего оживления ярмарки—соотношение трех категорий торгующих можно считать более или менее установленным.

В этом маленьком обзоре хода прибытия фирм на ярмарку можно усмотреть довольно любопытную иллюстрацию к тому факту недоверия к ярмарке, который имел место в первое время ее существования. Организатор ярмарки—государство, своими торогорганами сразу составило главную массу торгующих на ярмарке. Того нельзя сказать про кооперацию: к моменту открытия ярмарки число частных оптовых фирм было 12, кооперативных же только 7. И лишь затем, главным образом во второй половине августа, когда начал вырисовываться успех ярмарки, прилив кооперативных организаций пошел ровной, солидной струей.

В результате, к моменту ликвидации ярмарки прибыло около 600 оптовых фирм: свыше 40% государственных и в почти равной доле—частных и кооперативных (плюс около 350 частных розничных).

Такая, исключительно количественная, оценка торговых элементов на ярмарке недостаточна для полного уяснения роли отдельных категорий торговавших. Вместе с тем, качественная характеристика их почти невозможна, ввиду отсутствия материалов для суждения по этому поводу.

Но все же можно спределенно сказать, например, о некоторой несопоставимости государственных и частных фирм хотя бы потому, что если первые представляют собою в большинстве торговые отделы производственных предприятий и их обединений—иногда монополистов в данной отрасли торговли, частные фирмы, будь они даже самые крупные, по своим ресурсам никак несравнимы с ними. Существуя первые годы, они переживают «период первоначального накопления» своих капиталов преимущественно путем совершения торгово-комиссионных операций, игры на разнице цен, выполнения функций распределителя продукции промышленности там, где это не делается громоздким и мало подвижным аппаратом госорганов торговли и т. п.

И, в самом деле, при равном участии на ярмарке (числом фирм) с кооперацией, частный капитал в дальнейшем всюду отстает от кооперации: иллюстраций к тому достаточно приведено впереди.

Отсюда и все последствия прошедшней перемены. Прежняя роль частных фирм на ярмарке—свободном торжище: в процессе стихийной конкуренции выявлять конъюнктуру ряда товарных групп, перешла к монополистам госорганам, действующим уже по определенному плану и осуществляющим разумную волю.

Еще труднее дать оценку цифрам количества съезжавшихся на ярмарку торговцев в довоенное время по сравнению с ярмаркой 1922 года. В последний довоенный год, 1913, на основании данных о выборке промысловых свидетельств, число оптовых фирм равнялось—824, розничных—1852, т. е. в итоге съехалось в 1913 году—2676 фирм. Как видно, съезд 1922 года достиг выше 30% довоенного. При общем понижении уровня наших достижений такой процент, безусловно, должен быть сочен вполне удовлетворительным. Но качественное различие между полнокровными торговыми единицами довоенного времени и молодыми торговыми организациями, выросшими в обстановке необычайного хозяйственного окундения, в огромной мере сводит на нет первое впечатление этого сравнения.

Теперь перейдем к дальнейшему обзору съезда—рассмотрим три группы фирм, приехавших: продавать, покупать и с целью продать и купить.

Как и следовало ожидать, фирмы продававшие были на ярмарке первыми: к 5 августа, т. е. через пять дней после официального открытия ярмарки, налицо было уже около половины всей массы их. В дальнейшем их прибытие идет незначительным темпом, по 5—6 в среднем за неделю фирм; к 9-му сентября вкл. их было 170.

Наоборот, фирмы приехавшие на ярмарку с исключительной целью покупать (их к 9-му сентября набралось 87) еще 10 августа не насчитывали и 20% цифры 9 сентября. Зато в ближайшие же две недели их прибыло уже выше 70%, т. е. главная масса покупающих прибыла после того, как выяснились товарные ресурсы ярмарки.

Распределение фирм по категориям владельцев их показывает, что до 50% покупающих дала кооперация. Из 152 кооперативных организаций (к 9-му сентября)—41 прибыли с исключительной целью закупки, обладая очевидно денежной наличностью. Это подтверждается, в частности, в состоянием текущих счетов в ярмарочном отделении государственного банка, где на долю кооперации приходится наибольшая сумма, по сравнению с госорганами и частными фирмами.

Главную массу фирм продающих (к 9 сентября их—63) дали: государство—выше 50% и частные лица—около 40%, что вполне естественно, так как государство здесь выступает в качестве продавца изделий государственной промышленности, частный же капитал вышел на рынок с изделиями мелкой и кустарной промышленности: при отсутствии широкого кооперирования кустарей, сбыт изделий через скопщика для них есть один из выходов к рынку.

Но больше всего прибыло фирм, приехавших и продавать и покупать: из 557 оптовиков к 10-му сентября, их было 382. Тресты желали

сбыть свои товары и купить необходимое для заводов сырье и продовольствие, представители окраинных Республик и районов продавали сырье и закупали продукты промышленности центральных губерний и т. д. В частности, Туркестан привез на ярмарку кожу, шерсть и т. п., а вывез мануфактуру, металлические, керамические и др. изделия.

Теперь посмотрим, как были представлены на ярмарке отдельные места России (сведения к 9-му сентября). Распределение торговых предприятий по месту их постоянной торговли дает следующую картину.

Прежде всего Нижний Новгород—сосед ярмарки—и его губерния. Ряд преимуществ, связанных с близостью к торжищу, дали возможность Нижнему широко представить свои фирмы: их было 42 (7%). Интересно, что из этого числа 24 фирмы принадлежат к частным. Помимо слабости государственной инициативы на местах, могущей служить причиной, обясняющей это явление, надо иметь ввиду широко развитое кустарное производство губернии (вальная обувь, металлические изделия и т. п.), где реализация изделий кустарей ведется частью через частный аппарат.

Москва—центр современной российской промышленности и торговли, была представлена 131 фирмой (23% общего числа). При той роли, какую играет в настоящий момент хозяйственной жизни России Москва, особенно останавливаться на этом не приходится. Дальнейшее развитие связей с окраинами в последующих с'ездах, конечно, уменьшить этот процент. Но абсолютного уменьшения московских представителей ждать не приходится, так как высокий процент их обясняется малым с'ездом с мест. Гораздо показательнее распределение московских фирм на категории их владельцев. Здесь ясно проглядывает сильная организованность государства в центре России: из 131 фирмы, прибывших из Москвы, 80—государственных.

Остальная Россия (за исключением уже рассмотренных ее частей и автономных республик) послала на ярмарку представительства 260 организаций (43%): 114 государственных, 91 кооперативных и 55 частных. Это немного: всего в два раза больше, чем одна Москва. Преодоление общих причин, тормозящих пока рост оживления экономической жизни на местах, будет, вместе с тем, расширением представительств от российской местной торговли на следующих ярмарочных с'ездах.

Республики, входящие в состав Федерации, и автономные области послали на ярмарку 124 фирмы (евыше 27%). Незначительное участие богатых сырьем окраин обясняется утратой ими связи с центром, монополизацией зачастую скучки сырья в руках государства, незначительной степенью развития новой экономической политики и т. п. Но замечательно то, что из приехавших 124 фирм—около 50% (61) принадлежат частным лицам и организациям. Такой процент участия частных фирм от окраин становится понятным при учете местной обстановки. Попытки государственных органов на местах охватить своими организациями обширный потребительский рынок пока успехом не увенчались, и в процессе постоянной реорганизации государственных торгорганов и слабого роста кооперации рынок с развиваю-

ящимся товарооборотом постепенно отдаются в руки частного капитала. Ясно, почему с Кавказа, например, из 10 фирм, приехавших на ярмарку—9 частных, из Киргизии из 17—9 частных. И Туркестан, сначала представляемый единым Туркпредставительством, к концу ярмарки дал чуть не два десятка покупателей—старых мануфактургистов.

Деятельность некоторых восточных стран на ярмарке 1922 года вкратце рассмотрим здесь же.

Операции Туркестана на ярмарке вылились в реализацию привезенного сырья, бакалеи и т. п. и закупку фабрично-заводских и кустарных изделий. Номенклатура и количество тех и других приведены ниже в статье Е. И. Бурштина. Остается только заметить, что для истощенного туркестанского рынка ассортимент и количество закупленного может показаться слишком мизерным, но условия, в которых протекала деятельность Туркестанского Представительства, ограничивали всякие возможности более широкого развития операций. Вооруженный опытом ярмарки 1922 года, в последующие с'езды Туркестан, несомненно, развернет рамки своей деятельности тем более, что подготовительная работа им уже проделана в 1922 году. В частности, эта работа велась путем ознакомления широких торговых кругов, представленных на ярмарке, с туркестанской экономикой через промышленно-экономическую выставку при Представительстве, пропустившую десятки тысяч посетителей. Ряд договоров на взаимное представительство, заключенных с крупнейшими государственными трестами России, явился также большим шагом вперед для оторванного от центра Туркестана. Заметное оживление деятельности центральных торговых организаций в Туркестане после ярмарки, частично может быть отнесено к той работе, которая выполнена Представительством на ярмарке.

Бухара, в пределах предоставленных ярмаркой возможностей, широко использовала торжище. Те сто вагонов грузов, что были доставлены из Бухары в Нижний, при общем повышенном настроении вокруг экспортных товаров, создавали выгодную для Бухарского Представительства конъюнктуру. Солидные закупочные операции его поэтому основаны на твердом фундаменте удачных сделок по реализации сырьевых товаров. При общих запросах с Туркестаном, Бухара, тем не менее, разнообразит список закупленного рядом предметов более специального назначения, например, строительными материалами. Триллионная сделка с одним из лесных трестов на поставку ста вагонов леса на общем фоне ярмарочных операций является одной из немногих крупных сделок. Сейчас Бухара переживает период организации своих торговых кругов. Вновь создаваемые компании и фирмы и будущему с'езду дадут более широкое представительство от бухарской торговли.

Операции персидских купцов развертывались медленно, главная масса сделок по продаже привезенной ими бакалеи, по причинам, о которых будет сказано ниже, приходится на вторую половину августа. Первая сделка по покупке отмечена 10 августа, но дальнейшие сведения о закупках

поступали слабо. Куплены персидскими купцами: стаканы, галоши, шпагат, тара (мешки) и т. п. Характерно, что все продажи персидских товаров совершены с частными фирмами, покупки же персидских купцов сделаны исключительно у государственных организаций. Слабое выступление персидских купцов на Нижегородской ярмарке и неудача, последовавшей за ней, Бакинской, создают, казалось бы, довольно неблагоприятные перспективы дальнейшего участия Персии на ближайшие годы в Нижнем. Но на выручку приходит сильная привязанность персидских купцов к Нижегородскому торжищу, которая, с устранением тормозящих восстановление хозяйственных связей причин, снова притянет персов к насиженным местам в бакалейных рядах. К тому же предстоящее заключение торгового договора с Персией значительно облегчит взаимный обмен товарами между двумя государствами, отсутствие которого за последние годы так сильно отзывалось на персидском рынке.

Подводя итоги участью на ярмарке 1922 года восточных стран, можно в заключение сказать, что первый шаг на пути к оживлению торговли с ними сделан. Здесь уже важна не столько количественная оценка результатов их деятельности на торжище, сколько самый факт их присутствия на ярмарке после долголетнего перерыва. В связи с этим неизбежен перелом в в настроении восточного купечества в сторону большого внимания к Нижнему.

Отчетная ярмарка не блеснула присутствием купцов из Западной Европы; но ближайший с'езд, быть может, явит нам картину широкого участия иностранных торговцев. Те разведки, что производились на ярмарке 1922 года чехо-словацкими, шведскими, германскими, американскими, норвежскими, французскими и др. гостями, те запросы и заявки, что поступили из за-границы, могут служить некоторым отображением проявленного из-за рубежа интереса к ярмарке.

Слабые операции на ярмарке в первые две недели с момента ее открытия — традиционное явление на девоенных ярмарках, которое в точности было повторено и в 1922 году. Но затем сделки начинают быстро развиваться и к 1-му сентября ряд товаров был уже изъят из обращения. Сильный подъем в настроении ярмарки наблюдался и в первую половину сентября, но уже с понижением числа заключаемых сделок.

Ход ярмарочной работы можно проследить и по движению товаров с ярмарки.

Уже в конце первой недели с момента открытия ярмарки начался отток грузов. Но вплоть до конца августа, т. е. в течение первого месяца деятельность торга, отправки товаров не выходят из пределов десятков тысяч пудов (по пятидневкам). Таким образом до 30-го августа вывезено с ярмарки было всего лишь около 270.000 пудов груза. Но с первых же дней сентября этот вывоз начинает расти и за тридцать дней сентября дает до 400.000 пудов. В дальнейшем отправки грузов возрастают еще больше, и к середине сентября заявки о вывозе превышают уже один миллион пудов. Предварительные же

данные вырисовывают картину движения мощного потока товаров с ярмарки в Сибирь, Туркестан, Персию, Ригу и т. п.

В заключение еще несколько слов к характеристике ярмарочных фирм.

Прежде всего можно отметить торговые об'единения, возникшие на местах со специальной целью использовать ярмарку в интересах промышленности и торговли своего района. Явление, неслыханное в прежней истории ярмарки, может быть и имеет под собой основание (координация закупок и продаж, экономия сил и средств), но тант в себе ряд опасностей, которые могут сорвать начинание. Все дело в том универсализме, осуждению которого было посвящено достаточно внимания на страницах общей и специальной прессы: в сущности недостатки этих представительств есть те же недостатки «торгов» наших совнархозов. Выделение отдельных отраслей торговли из ведения этих последних уже началось. Создание «Хлебопродукта», Товарищества «Шерсть» и т. п., направлено как раз к обходу подводных камней универсализма. Дальнейшее углубление взятого курса приведет, быть может, к более успешным результатам, тем более, что о работе некоторых об'единенных представительств на ярмарке можно определенно сказать отрицательно.

И, наконец, нельзя обойти молчанием более широкое об'единение определенной категории ярмарочных гостей — кооперативов, которое было проведено по инициативе и под руководством Центросоюза. Этим, в сущности, подтверждалась и проводились в жизнь старые общие положения ярмарочных совещаний потребительской кооперации в 1917 и 1918 годах: организовывался единый наступательно-оборонительный союз кооперации, вырабатывалась единая тактика и линия поведения. Примеру потребительской кооперации следовала во многом и кооперация кустарно-промышленная. Этим путем кооперация всегда способствовала сокращению ажиотажа около наличных товаров на ярмарке.

Большая организационная работа проделана и совокупными силами всех категорий с'ехавшихся торговать.

Созыв Всероссийского торгового совещания в Нижнем имел своей целью как раз использовать такой широкий с'езд торговцев для подведения итогов новой экономической политике за первый год ее существования в области торговли. Те дебаты, которые велись на секционных заседаниях совещания, выявили многое из накопленного у отдельных участников с'езда опыта. С другой стороны, доклады работников центральных учреждений пытались ознакомить с'езд с политикой руководящих органов страны в отношении отдельных сторон ее хозяйственной жизни.

Удачный опыт созыва совещания на ярмарке в Нижнем послужил уже примером для других ярмарок. Есть сведения, что и киевская Контрактовая собирается использовать с'езд с теми же целями.

Неоднократно созывавшиеся на Нижегородской ярмарке заседания представителей торговых организаций и фирм по вопросам кредита, транспорта и т. п. также должны быть отмечены, как попытки совместными силами с'ехав-

шихся разрешить наболевшие вопросы торговли. Иено, что под свежим впечатлением столкновений с ними здесь же, на ярмарке, результаты таких совещаний давали должный эффект.

III.

Прилив товаров на ярмарку начался рано. Уже за первые пять дней июля зарегистрировано свыше 13.000 пудов. Но в дальнейшем, вплоть до 20 числа, отмечаются слабые поступления, почти не меняющие картину. В конце июля, когда ярмарочные перспективы начинают отчетливо вырисовываться, цифры повышаются, и к 15-му августа, к моменту начала фактической работы торга, количество привезенных грузов, продолжая расти дальше, достигает чуть не половины количества зарегистрированных к концу ярмарки товаров. Характерно, что понижения привоза не видно вплоть до середины сентября. Быть может в большинстве эти поступления пошли на исполнение по заключенным уже сделкам.

Общее прибытие грузов на ярмарку шло неравномерно, в пятидневки достигая иногда свыше полмиллиона пудов и падая до нескольких десятков тысяч.

Интересно проследить привоз грузов по категориям их владельцев. Если взять августовские данные, то при постоянной доле государственных органов (78%) и незначительном колебании доли кооперации (18% за первую половину августа и 11% за вторую) привоз частных грузов (к 31-му августа их прибыло 70.000 пудов, т. е. 5% общего количества), сильно колеблется. Так, за первую половину августа частные товары в общем привозе участают лишь тремя процентами. Вторая половина августа, выявившая физиономию ярмарки, утраивает долю частных грузов: привоз их за две недели заключал в себе уже 9,4%.

Еще явление, характерное для послереволюционного периода: если на довоенные ярмарки до 5/6 всего количества товара прибывало водным путем, то на ярмарку 1922 года, по данным к 9-му сентября, водой прибыло только около 55%, т. е. немногого больше половины всех грузов.

Такое колоссальное уменьшение водных перевозок находит свое объяснение в опустошительном влиянии гражданской войны: среднее и нижнее течение Волги долгое время были ареной ожесточенных боев. Здесь, в падении производительности дешевого водного транспорта кроются причины сравнительно слабого участия на съезде 1922 года Востока и Сибири. Но это не все. Отчасти понижение водных перевозок можно усмотреть в отсутствии разницы в тарифах по сравнению с железными дорогами. А последние, в силу некоторых причин чисто технического порядка, дают большую гарантию сохранности груза. Кроме того, даже при выгодности водной перевозки груза, можно заранее сказать, что слабое пока развитие в государственной торговле коммерческого расчета не всегда руководит ее органами в выборе способа перевозки этим расчетом.

Дополнительно уместно будет отметить, что водный транспорт, обычно обслуживавший отправителей громоздкого товара, и в 1922 году доставлял на ярмарку таковой. Почти весь чугун, химические и москательные товары и т. п. прибыли водой. Водой же шло большинство персидской бакалеи (приблизительно 80% ее), около половины поступившей на ярмарку шерсти и т. п. Последние, пожалуй, больше в силу связности с Волгой районов их производства. На долю железной дороги, наоборот, выпала работа по транспортировке фабрично-заводских изделий, продовольствия и отчасти сырья.

В результате, по предварительным итоговым данным, всего на ярмарку было привезено свыше 3.000.000 пудов грузов.

При распределении их по категориям владельцев на долю госторговли приходится подавляющий процент—около 85%, кооперация привезла свыше 10% и остальные с небольшим 4%—частные фирмы.

Здесь, при постоянной незначительной роли частного капитала, интересно соотношение государственных и кооперативных грузов, подтверждающее участие кооперации на ярмарке в качестве покупщика по преимуществу. Это наглядно проскальзывает при сопоставлении с данным об оттоке грузов: до середины сентября заявки об отправке товаров в большинстве поступали от госорганов (69%), но кооперация здесь имеет уже 29%, таким образом, ее доля в грузах отправляемых значительно увеличилась и, главным образом, за счет государства.

Чем же торговала ярмарка? Каковы привезенные на нее грузы? Для этого мы сделаем краткий обзор наиболее важных товарных торгов на ярмарке.

Первое место по размерам оборотов на довоенных ярмарочных съездах занимал торг хлопчатобумажными изделиями. Правда, его значение постепенно снижалось развитием железнодорожного строительства и усовершенствованием форм торговли. Но и в последние довоенные годы оборот ярмарки с хлопчатобумажными изделиями определялся не менее 100 миллионами рублей, что составляет около 10% годового производства нашей хлопчатобумажной промышленности. Уже однажды это с достаточной солидностью свидетельствует о роли ярмарки в данной отрасли торговли. И в самом деле, может быть только частью, но ярмарка определяла собой концептуру хлопчатобумажного рынка.

После пережитых лет войны и революции говорить о скромом восстановлении былого значения ярмарки в торговле мануфактурными товарами не приходится. Уже на ярмарке 1917 года ряды, в прежнее время забитые мануфактурой, пустовали. Если ярмарка 1922 года имела до 35.000 пудов наличной мануфактуры, то, во-первых, это количество далеко отстает от былого привоза, во-вторых—оно было почти сразу и полностью раскуплено (к 13-му сентября 22 000 пудов было даже уже вывезено с ярмарки) и в заключение, а это самое главное, мотивы, побудившие фирмы везти мануфактуру на ярмарку в 1922 году были несколько иного, по сравнению с довоенным временем, порядка. Если прежде мануфактурный торг на ярмарке обуславливался

почти целиком ее географическим положением—наличие системы мощных водных путей, за бесценок доставлявших товар к ярмарке и с нее до районов потребления, то теперь, когда разрушение водного транспорта, поистине, катастрофично, а железные дороги своей тарифной политикой ставят непроходимые преграды развитию товарного оборота, причины протянувшие мануфактуру к ярмарке, скорее всего надо искать в общих условиях современной торговли: возможности сбыть товар по цене сверх-нормальной, в некоторой «дисциплинированности» наших госсиндикатов и трестов (поддержка государственного начинания—ярмарки) и т. п. Во всяком случае, мануфактурный торг, несмотря на высокие цены, (с середины ярмарки начавшие повышаться еще выше) на некоторой ажнотаж вокруг небольших запасов, для продавцов разрешился благополучно. Спрос же остался непокрытым. В частности туркестанцами из Нижнего в Ташкент отправлено всего лишь 1482 пуда мануфактуры т. е. 4% общего ее количества на ярмарке.

Овчинно-меховой и пушной торг на ярмарке занимал в доводенное время второе место по величине оборота. Не только высокая ценность привозимого товара выделяла его среди других товаров ярмарки. Само количество достаточно свидетельствует о действительно большом торге: на ярмарке сбывалось до 10 миллионов шкурок.

Обширные районы России участвовали в привозе товаров: Сибирь с ее высокооценной пушниной, Центральная Россия с ее беличьими шкурками, далекий север, поставлявший оленины шкуры наряду с редкими мехами, и юг, из Бухары присылавший каракуль—все были связаны с Нижним крепкими звягиями торговли этим товаром. Австралия, Америка и др. страны слали сюда свои меха, взамен увозя огромные количества нашей, главным образом, сырой пушнинны. Тесно связана с этим торгом была и Москва, привозившая для продажи свои изделия и закупавшая сырой товар. Целые районы (например, Мурашкинский) занимались выделкой овчинно-меховых товаров и продажей их на ярмарке. Но ярмарка, как то показали езды военных лет, наиболее устойчивый торг имеет сырой, где закупалась сырья пушнина, овчина и т. п. Это же в сущности подтвердила ярмарка 1922 года, где рассматриваемая группа товаров фигурировала в качестве экспортного сырья. Общий привоз в отчетном году равнялся приблизительно 26.000 пуд.

Пушину на ярмарке продавали сплошь государственные организации. Привоз ее был из Бухары, Ташкента, Сибири. Слабое участие последней должно истолковываться, как результат отсутствия подготовительных местных ярмарок, на которых обыкновенно составлялись партии товара, развали пушного промысла, отсутствия оружия. Понижение охотниччьего промысла и скотоводства есть, конечно, основная причина, но и причины организационного порядка в данном случае оказали решающее влияние на привоз.

Государственные же организации доставили и большую часть овчины. Но здесь уже заметно участие частных фирм, привезших несколько тысяч пудов из Царицына и Сарапула. Подавляющая часть наличной овчины прибыла из Бухары. Слабо задетая войной и революцией, Бухара обладает

сравнительно, большими ресурсами сырья, чем Россия. Накопленные там за последние годы запасы постепенно начинают вовлекаться в оборот. Бухара же поставила на ярмарку почти весь продававшийся на ней карануль.

Кожа и невыделанная на довоенные ярмарки привозилась в количестве выше 8 миллионов штук и составляла собой важную товарную группу на ярмарке.

Обширные районы, поставлявшие на ярмарку кожевенное сырье (Кашгар, Монголия, Сибирь, Средняя Азия и т. п.) связывались через ярмарку с мировым рынком. Колossalные партии кожи, вывозившиеся с ярмарки в Америку, Германию и т. п., были предметом одного из главных, составлявших ярмарочный оборот, торгов: по размерам оборотов сырья кожа стоит на третьем, после мануфактуры и пушнины, месте. За время войны торговля кожей, в силу запретительных распоряжений власти, претерпела значительное сокращение. Расточительные силы войны и революции сильно уменьшили источники наших сырьевых ресурсов. Расстройство скупочного аппарата, рост кустарной обработки сырья на местах и т. п. также сказались на уменьшении привоза.

В 1922 году в Нижний было доставлено 78.000 пудов сырой кожи. Слабое участие в привозе приняла Сибирь, совершенно отсутствовали поступления из Монголии, Кавказа, Кашгара. Зато заметно усиление привоза из голодающих губерний, где бескорыстие вынуждала усиливать убой скота. Большинство наличного товара принадлежит государственным органам. Это понятно, если принять во внимание долголетнее монопольное положение их при заготовках. Но до 4.000 пудов было доставлено небольшими партиями и частных грузов невыделанной кожи, в большинстве из голодающих губерний. Туркестан в привозе кожи значительно потерял былое значение. В отчетную ярмарку было доставлено на него всего лишь две с лишним тысячи пудов.

Кожевенное сырье, помимо закупок кожевидиката, как и прежде, заготавливается экспортными организациями для вывоза на внешний рынок. Операции с ним на ярмарке были одними из наиболее оживленных.

Водный путь, соединяющий ярмарку с Сибирью, Кавказом, Средней Азией и Европейской Россией, является залогом того, что с восстановлением сельского хозяйства возродится и былой торг кожевенным сырьем на ярмарке. Ее положение промежуточного пункта на пути движения сырья не утратится еще и потому, что вблизи ярмарки расположены крестьянские центры кожевенного производства, обеспечивающие сбыт сырья, а развитие внешних торговых сношений вернет ярмарке значение крупнейшего международного сырьевого торжища.

Бакалея занимала на довоенных ярмарках довольно видное место. Привоз ее достигал: русской до 1 миллиона пудов и столько же персидской. Обороты с ней совершились на сумму выше 12 миллионов рублей. В эту группу товаров включается обыкновенно масса самых разнообразных

предметов не только русского, но и заграничного производства (масло, грибы, горчица, кофе, рис, консервы и т. п.).

Привоз бакалеи в 1922 году дал значительное превышение персидской бакалеи: ее было до 130.000 пудов, тогда как русской немнога больше 40.000 пудов.

Персидская бакалея прибыла в большинстве к середине ярмарки, причем вокруг реализации этого товара возник целый ряд вопросов. Дело в том, что несмотря на ряд предоставленных персидским купцам льгот, их путь до Нижнего потребовал накладных расходов, значительно удорожавших товар. Кроме того, те товары, что персы собирались вывезти с собой, стояли в цене на 2—3% выше московских цен, и на много дороже цен складов НКВТ в Персии. Это ставило под угрозу срыва всех планов персов, что чрезвычайно неблагоприятно должно было отразиться на наших перспективах торговых сношений с ними. Нам неизвестен исход создавшегося положения, но уже одно наличие описанных затруднений заставит будущий с'езд учитывать их и как-то осторожнее относиться к предпринимаемым шагам.

Шерсть, волос и щетина, составляя на прежних ярмарках крупный торг, уже до войны начали отходить от Нижнего. По сравнению с годовой стрижкой, т. е. общим количеством товара, поступающего на рынок, привоз специально на ярмарку составлял весьма скромную часть, остатки от закупок на местах. Но все же те 400—500 тысяч пудов, что распродавались на ярмарке, являлись одной из крупнейших отраслей торговли, так что возрождение привоза шерсти на ярмарку 1922 года должно быть как то отмечено.

Общий привоз в 1922 году шерсти равнялся 82.000 пудов, волоса—17.000 пудов и щетины—13.000 пудов. В итоге—113.000 пудов, т. е. приблизительно 25% довоенного привоза на ярмарку. Характерно, что поступление товара не прекращалось вплоть до закрытия ярмарки: спрос на него был почти неограничен.

Огромные опустошения в скотоводстве безусловно отразились на сырьевых ресурсах страны. Высокая цифра привоза, поэтому, не отражает собой положения шерстяного рынка. С мест на ярмарку были двинуты те запасы, что зачастую годами накапливались заготовительными органами. Много поступлений замечается из голодающих губерний; ясно, что собой представляют партии из этих последних.

Районы вывоза шерсти на ярмарку 1922 года: Сибирь, Туркестан, Бухара, Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Уфа.

Участие частного скучечного аппарата преобладает в голодающих губерниях, но партии в адрес частных фирм прибывают мелкие, в 40—80 пудов.

Чрезвычайно характерны жалобы покупщиков на низкосортность и смешанность товара. Если вспомнить, что перед войной много сделок с шерстью совершилось на ярмарке по образцам и что намечалась более или менее твердая классификация сортов шерсти, утеря этого результата долго-

летних усилий очень печальна. Это тем более должно быть ощутимо нашими экспортными организациями, так как шерсть почти целиком идет в вывозной фонд.

В заключение, отметим солидное участие в привозе на ярмарку шерсти Туркестана: шерсти разной там было реализовано до 10.000 пудов и около 1.500 пудов волоса (около 12% всего привоза шерсти и волоса).

Стекло, изделия из него и керамика на довоенных ярмарках давали 4—5 миллионов рублей оборота. Привоз их раньше и привоз в 1922 году в пудах дает следующие цифры:

	1915 г.	1922 г.
	(к 13/IX)	
Стекло оконное	93.000	14.000
Стеклянные изделия	52.000	27.000
Керамические изделия	88.000	7.500
	233.000	48.500

Таким образом, привоз 1922 года равен приблизительно 20% привоза 1915 года. Почти вся ярмарочная наличность товара была в руках «Продавицата» («Стеклофарфортрест»). Положительным явлением была увязка синдиката с Востоком: солидное количество изделий—5.750 пудов, т. е. около 12% общего запаса ярмарки—приобрел Туркестан, за последние года не получавший стекла и керамики. Недостаток наличной азиатской посуды оставил неудовлетворенным спрос на нее со стороны запоздавших персидских купцов.

Тесная связанность рассматриваемой группы товаров с ярмаркой (преимущества для громоздкого товара наличного водного пути) дают основание ожидать в последующие ярмарки прогрессирующей цифры привоза.

Нет возможности в кратком обзоре захватить все разнообразие ярмарочного торга. Непоколебима роль ярмарки, как рынка кустарных изделий Нижегородской, Владимирской, Костромской и соседних с ними губерний. Трудно поддается оценке ее роль магазина, из которого скраины удовлетворялись изделиями фабрик и заводов России. И так далее почти без конца, потому что мало было тех отраслей торговли, на которые Нижний не оказывал бы влияния.

А с революцией, когда связи завязываются почти заново, ярмаркой пытаются воспользоваться продавцы и таких изделий, которых Макарий никогда не вдал: взять хотя бы «Электротрест», задавшийся целью приблизить свой товар—об оборудование мелких электростанций—к кустарю и крестьянству.

Предварительные итоги об оборотах ярмарки, включая обороты биржи за август месяц дают цифру в 6 миллионов рублей (дензнаками 1922 года).

Участие государства в этих оборотах выражается в 80 %, кооперации—18 % и частной торговли—2 %. Дальнейшие данные должны более точно определить долю участия отдельных категорий торговавших в общем ярмарочном обороте. Сейчас же трудно определить даже этот последний. Некоторые указания сводятся к цифре 50—60 триллионов рублей. За отсутствием данных к проверке этой цифры, подойти к ней критически трудно. Во всяком случае, уже одна возможность говорить о такой астрономической величине достаточно ясно свидетельствует о значении ярмарки, совершившей колоссальную работу по распылению запасов изделий нашей промышленности—с одной стороны, и по концентрации распыленных сырьевых запасов—с другой.

Отдельным государственным организациям принадлежит солидная доля в общей сумме оборота. Текстильный синдикат сделал оборот около 2 триллионов рублей, «Моссукно»—2 триллиона двести миллиардов рублей, «Стеклофарфоррест»—около 1 триллиона рублей, у кожевенного синдиката одни продажи дали эту цифру, Центросоюз—наиболее мощная организация кооперации на ярмарке—дал оборот в 9,9 триллионов руб., продав на 5,3 триллиона и купив на 4,6 триллиона руб.

Трудно определить, насколько предложенный ярмаркой товар соответствовал спросу. Отзывы о результатах ярмарки руководителей торговых предприятий, участвовавших на ней, как будто бы сводятся к благоприятной оценке этих результатов. Здесь, конечно, нужно учесть обстановку первой встречи производителя с потребителем: часто приходилось брать то, что предлагают, а не то, что было бы более всего подходящим. Но даже игнорируя факт отсутствия у покупателя возможности выбора, часто спрос оставался непокрытым при наличии товара этого рода в силу качественного его несоответствия спросу. Это случилось, например, с продавцами сельско-хозяйственных орудий, предложавшими 13, 14, 16-ти рядные сеялки, тогда как несколько тысяч сеялок могли бы быть реализованы при качественном соответствии их спросу (11-ти рядные). Также обстояло дело с азиатской посудой, наличное количество которой на ярмарке далеко не покрыло спрос на нее со стороны восточных купцов: то обстоятельство, что восточные купцы любят наличный товар и неохотно идут на сделки по образцам очевидно не было учтено.

Торгоотделом наших производственных обединений опыт ярмарки в этом отношении должен дать много материала для выводов относительно направления деятельности своих производств на ближайший год. Ряд лет, в течение которых потребительский рынок питался случайными поступлениями товаров и поглощал все, что к нему попадало, с естественной жаждностью источенного организма, лишили производственные ячейки возможности (а в условиях скучного пайкового распределения, пожалуй, и необходимости) учитывать желания рынка. Возвращение к свободному обороту решительно ставит вопрос об изучении запросов потребителя. А Нижегородская ярмарка 1922 года в этом новом этапе жизни огосударствленной промышленности сыграла значительную роль. Следующий съезд, несомненно, отразит на себе опыт ярмарки 1922 года.

IV.

В нашем распоряжении нет никаких материалов для оценки деятельности товарной биржи на ярмарке 1922 года сравнительно с прошлыми годами ее работы на ярмарке. Это в известной мере ограничивает возможность дать полную картину ее оборотов. Но сначала несколько вступительных замечаний.

Еще в 1921 году по всей России началась большая работа по организации товарных бирж. Поспешность, с которой она проводилась, отсутствие указаний руководящих органов, слабый учет местных сил и средств и т. п. вскоре дали о себе знать: с ряда провинциальных бирж начали поступать сведения об отсутствии сделок, об игнорировании местными торгорганами своего детища.

Такое положение было учтено ярмарочным комитетом. Меры, принятые им, предотвратили судьбу большинства товарных бирж и, даже больше того, создали на ярмарке довольно оживленный центр совершения сделок.

Открылась биржа на ярмарке с некоторым опозданием, в августе. До этого, основной ячейкой деятелей ярмарочной биржи (часть работников Нижегородской губернской биржи) велась подготовительная работа. По положению о ярмарочной бирже, составленному ярмарочным комитетом, впоследствии в состав Комитета влились выборные представители от всех категорий ярмарочных торговцев, в том числе и от частных фирм. Биржа была ограждена от посягательства некоторых организаций на дополнительные обложения сделок (сверх нормального); штат биржевых маклеров был укомплектован из лучших работников Нижегородской и Московской центральной товарных бирж; биржа предоставила своим посетителям необходимые технические удобства (ресторан, именные столики и т. п.), выставку предлагаемых к продаже товаров. Проведенная организационная работа явилась залогом успешности выполнения биржей своих прямых задач и, как будет видно дальше, эти задачи биржей были разрешены.

За время ярмарки всего посетило зал биржевых собраний 5.848 человек, что при сорока собраниях дает в среднем 146 посещений на одно собрание (в августе—135 и в сентябре—175). Та средняя в общем довольно близка к действительности: число посещений, особенно в середине августа и выпадающее до середины сентября, дает постоянно твердую цифру—в пятидневках она колеблется в пределах 741—880 человек. Этот месяц, в сущности и остальными показателями характеризуется, как период наиболее ровной, уверенной и спокойной работы биржи. В конце ярмарки, когда положение несколько меняется, падает и посещаемость биржи: после 15-го сентября собрание насчитывает всего 50—60 посетителей.

Из кого же состояла биржевая клиентура?

По данным ежедневной посещаемости биржи до 70% посетителей были членами биржи. Остальные, таким образом, состояли из разовых посети-

телей. Это до некоторой степени является причиной, а в то же время и следствием, довольно постоянной цифры посещаемости.

Если обратиться к отдельным категориям торговцев, то подавляющее число посетителей (до $\frac{2}{3}$ всего числа посетителей) дала торговля государственная. Остальное слагается почти в равных долях из представителей кооперации и частных лиц, да незначительных посещений «представителей окраин».

Тот же процент (70%) государственная торговля дает и при распределении членов биржи на современные основные торговые элементы. Из 138 фирм, состоявших постоянными членами биржи, 97 дало государство. На долю кооперации здесь приходится 27 фирм (20%), представителей окраин, автономных республик и востока—8 фирм (6%), частный капитал дал все же лишь 6 фирм (4%). Последняя цифра снова дает материал для подтверждения наших выводов о случайном характере представленного на ярмарке частного капитала.

К 15-му сентября общая сумма всех биржевых сделок (940 сделок) достигла 1.848.000.000 рублей (дензнаками 1922 года). В эту сумму, правда, входят 38 заключенных вне биржи, но зарегистрированных на ней сделок на сумму 1.320.000 рублей.

Как расли операции биржи видно из следующей таблицы:

Заключено по 15 августа	23 сделки	и с	58	милл. р.	3,5%
, , за вторую пол. августа	139	, , ,	600	, , ,	31,7%
, , за 15 дней сентября	271	, , ,	1238	, , ,	64%
Всего			1848	милл. р.	100%

Таким образом, главная масса сделок падает на сентябрь месяц.

Интересно распределение операций на сделки по покупке и по продаже:

№ ряда	Категория торговли	ПОКУПКА			ПРОДАЖА		
		Число сделок	Сумма сделок в милл. руб.	% к общей сумме	Число сделок	Сумма сделок в милл. руб.	% к общей сумме
1	Государственная	284	1268	69	340	1601	87
2	Кооперативная	15	475	25	58	159	8
3	Частная	41	105	6	42	88	5
	Всего	440	1848	100	440	1848	100

Таблица опять таки свидетельствует о правильности прелыдущих замечаний: государство на ярмарке выступает в качестве продавца по преимуществу, кооперация и отчасти частные фирмы—покупателями.

Всего на ярмарочной товарной бирже совершено сделок на сумму свыше 12% общей суммы ярмарочных оборотов (за август). Такой процент должен быть признан достаточно высоким, принимая во внимание вообще незначительную роль наших бирж в торговом обороте в настоящее время. Объяснение этому надо искать в тех общих условиях ярмарочной торговли, которые сложились в 1922 году.

Солидное место в массе биржевых сделок занимают сделки с образцами, договоры о поставке и т. п. При отсутствии специального торгового законодательства, регулирующего правоотношения в этой области, засвидетельствованный маклером договор дает известную гарантию возмещения возможных убытков при неисполнении его; малое знакомство сторон и, наконец, солидный размер сделок, совершение на бирже которых устраивает повод к обвинениям в невыгодности сделки для организаций, представляемых при заключении сделки — все это толкало покупателей-продавцов идти на биржу и регистрировать свои договора. Меньше мы склонны придавать ярмарочной бирже значение места, где концентрировался спрос и предложение. Но в известной мере и это играло свою роль в деле привлечения торгующих к бирже.

Еще одно замечание: почти половина всех уплат по совершенным на ярмарочной бирже сделкам сделана покупателями векселями (по данным за август). При слабом развитии кредитных сделок в современной России, такое соотношение уплат наличными и векселями выходит за пределы обычного. Быть может причины этого кроются в отмеченном нами выше стремлении торгующих, сделки кредитные проводить через биржу, гарантуя этим путем более аккуратное исполнение их контрагентами.

В заключение отметим деятельность арбитражной комиссии. Организация таковой при биржевом комитете из выборных представителей всех категорий торгующих была вызвана настоятельной необходимостью иметь орган, достаточно компетентный и солидный для разбора возникающих на ярмарке нарушений принятых торгующими на себя обязательств, пресечения и наказания нарушений правил коммерческой этики и т. п. Как и следовало ожидать, работа для комиссии наплела: пришлось рассмотреть 14 дел. При отсутствии специальных торговых судов, наличие арбитражной комиссии создало обстановку некоторой гарантии того, что в случае возникновения недоразумения между контрагентами, разбор дела будет производиться органом, сумеющим учесть те сложные специфические условия, в которых протекает торговый оборот. Положительная оценка деятельности арбитражных комиссий Всероссийским Торговым Совещанием имеет под собой почву. А опыт арбитражной комиссии на ярмарке дает к тому дополнительное подтверждение.

V.

Подвести окончательные итоги Нижегородской ярмарке 1922 года можно будет лишь тогда, когда все собранные о ней материалы будут разработаны и опубликованы.

Пока же в заключение придется ограничиться только общими замечаниями, очевидность которых вытекает из того небольшого обзора, который представлен нами на основании некоторых предварительных данных.

Возрожденное усилиями государства Макарьевское торжестве, несмотря на тяжелый кризис сбыта, царивший в стране весной 1922 года, встретило недоверчивое отношение со стороны торговых кругов России. Но уже первые шаги немногих с'ехавшихся к началу ярмарки фирм, прорвали плотину подозрительности: с'езд продолжался вплоть до закрытия торга и дал ярмарке представителей со всех концов федерации, всех видов современной торговли.

Государственная торговля, в большинстве велась торгпредставительствами наших производственных об'единений. Она дала наибольший процент торгующих, товара, оборотов. Она диктовала рынку свои условия. Участвуя преимущественно в качестве продавца изделий государственной промышленности, госторговля, синтезируя свой опыт с госпромышленностью, должна установить операционную программу на ближайший год, путем учета потребностей рынка. Для государственной торговли опыт ярмарочного торга должен дать материал для исканий наилучшего пути к избежанию тех ошибок, которые промтекают из организационных недостатков торговых предприятий. Преодоление универсализма, накопление и учет технических навыков и т. п. должны дать свои результаты.

Кооперация, по размерам участия в ярмарочной работе стоящая на втором месте, явила пример организованности. Выступая в качестве покупателя по преимуществу, кооперация вынесла из ярмарки помимо материальных выгод торга, огромный организационный опыт: частные совещания ее деятелей, увязка с местным ячейками руководящих центров, подбор руководителей из опытных идеальных работников—помогли кооперации лучше справиться с задачами, чем какой либо из других категорий торговавших.

Частная торговля, слабо представленная на ярмарке, только нарождается. Сбитая со своих былых позиций, она сохранила за собой область совершенения торгово-комиссионных и ближайших к потребителю—распределительных функций. Ее роль на ярмарке, поэтому, незначительна и вылилась в закупку незначительных по количеству партий товаров. Но то внимание, которое оказано на ярмарке даже небольшой группе частных фирм и удачное разрешение торга для частной торговли, к будущему году, надо полагать, даст увеличение представителей частного торгового капитала.

После долголетнего перерыва промышленный центр снова пробил дорогу своей продукции к окраинам. Вместе с тем он приобщился через ярмарку к источникам сырья, так необходимого фабрикам и заводам. Вновь воссоздаются связи между промышленностью и сельским хозяйством, расширяются взаимно рынки для реализации изделий того и другого.

Старые пути на восток впервые за последние пять лет увидели караваны товаров. Скромные по своим размерам они являются первыми ласточками по реализации вековой привязанности к Макарию восточных купцов.

Стянутые к ярмарке экспортиные товары не только усилили наш вывозной фонд; удачный сбыт их должен послужить стимулом к дальнейшему производству и накоплению этого единственного для России источника валюты.

Успешный исход ярмарки 1922 года в Нижнем явился сигналом к воссозданию массы мелких ярмарок на местах, особенно в районах сырьевых. Удача пушного торга в Ирбите и Нижнем невозможна без предварительных удачных торжков по всей Сибири. Дело государства оказать полное содействие им и регулировать их работу.

Оживление торгового оборота на местах, толчек чему дала Нижегородская ярмарка 1922 года, и связанная с этим оживлением работа по организации местных торговых кругов к следующему ярмарочному съезду застанет Россию значительно преображеной и окрепнувшей.

Постепенное вовлечение заграницы в нашу ярмарочную торговлю (активное участие ее на Бакинской, Киевской и др. ярмарках) заставит иностранцев несколько иначе смотреть на Нижегородские перспективы.

Все это развернет вширь съезд 1923 года. Вместе с тем его работа будет более углубленной: и биржа, и госбанк, и возможные совещания, каждый участник в отдельности, и все торжище в целом—будут иметь у себя за спиной опыт первой советской Нижегородской ярмарки в 1922 году.

Материалы и литература. 1) Отчеты о торговле на Нижегородской ярмарке за 1913 и 1917 года. 2) Некоторые материалы статистико-экономического бюро на Нижегородской ярмарке 1922 года. 3) Материалы Туркестанского Представительства на Нижегородской ярмарке 1922 года. 4) Периодическая пресса.

М. П. ДЕМИДОВ.

КРЕДИТ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ
ЯРМАРКЕ 1922 ГОДА.

Нижегородская ярмарка 1922 года есть опыт рационального воссоздания в новых условиях и в новых формах всероссийского рынка.

Ярмарка—символ, вокруг которого скрестились хозяйственные интересы отдельных хозяйств и целых хозяйственных групп. На старом месте встретились новые деятели хозяйства с своеобразными задачами и целями, хотя бы уже потому, что, вместо частных торговцев, теперь по преимуществу были государственные учреждения и кооперативные организации.

Вопросы „Нижнего“—не только местные, временные, приоровленные к ярмарке, но и общие вопросы торговли РСФСР и ее окраин. Воссоздание рынка, установление обширных торговых связей ставят вопрос и об определенной системе взаимоотношений между хозяйствами. Для нормального торгового оборота необходимо установление одной из важнейших частей междухозяйственной связи—кредита.

Прежде кредит в системе хозяйства, и особенно торговли, играл громадную роль. Кредитование торговли есть классическая операция банков, а кредит, вообще,—могучее орудие воздействия на форму хозяйственной жизни. С периода НЭП начинают возрождаться в Советской России кредитные учреждения: госбанк, покобанк и т. п., но характер их операций носит несколько отличный характер.

I.

Опыт кредита на Нижегородской ярмарке интересен для Туркестана не по совокупности сделок, но по характеру операций—кредитованию торговли. Чтобы выяснить значение этой формы кредита для Туркестана, необходимо, хоть вкратце, обрисовать местную кредитную ткань. При НЭП, как синтезе опыта прошлого с основными задачами советского государства, такое отступление является даже необходимым.

До прихода русских культуры туземного хлопчатника, не являвшаяся, видимо, особенно выгодной при прежней рыночной конъюнктуре, поддерживалась административно-принудительным порядком—обязательным взносом податей в определенной части хлопком (1/6). Включение Туркестана в сферу влияния хозяйства России повлекло за собой приспособление всего местного хозяйства к нуждам метрополии—наблюдается рост производительных сил Туркестана, причем в этом процессе виднейшую роль сыграло хлопководство. Высокая цена хлопка была благоприятным стимулом к расширению его площади, но, чтобы перейти от полунатурального хозяйства к типу промышленно-хлопкового, нужны были значительные оборотные средства, в силу

как критических периодов, так и значительной, сравнительно с другими культурами, затраты труда и капитала. Это рельефно выделяется в характере ссуд мелкого кредита: в 1916 году, если за 100 принять общую сумму кредита, то на покупку земли—1,1; аренда—1,9; покупка скота—52,6; покупка семян—21,7; наем рабочих и машин—11,4; покупка ремесленных и промышленных материалов—3,6 и прочая затрата составит лишь 7,7, куда войдут затраты по корму скота, ссуды на торговлю, уплату долгов и разные личные расходы и т. д. Выданные ссуды целиком обращались в оборотный капитал. Сроки ссуд 6—9 месяцев. Статья покупка скота означает временную покупку на период работ—скот в конце сезона продавался, содержание скота являлось невыгодным для хозяйства. Статья покупка земли, если сравнить ряд лет, из года в год понижается.

Развитие хлопководства естественно поэтому сопровождалось широким развитием кредита в Туркестане—оказание кредита делало возможным переход к хлопковому хозяйству. Прежде в местном хозяйстве кредит не имел широкого распространения, на что указывает нам, как % по ссудам, взимавшийся туземными ростовщиками—сарафами, доходивший до 50—100%, так и отсутствие твердых норм, устанавливающих взаимоотношения между участниками кредитной сделки. Высокий заемный процент и полный произвол кредитора над должником указывает на тот хозяйственный уклад, когда производительный кредит не характерен и не является необходимым фактом хозяйственной жизни, а есть редкое явление, вызываемое исключительными обстоятельствами.

Исключительное в прежних условиях явление кредита становится нормальным звеном связей с момента развития промышленного хлопководства, в силу указанных выше особенностей хлопкового хозяйства. Потребность в значительных оборотных средствах создавала приток капитала в Туркестан извне (России), на что указывают переводные операции, незначительная роль вкладной операции в пассивах туркестанских банков и рост задолженности по счетам с правлениями.

К 1916 году в Туркестане нашли помещение значительные капиталы; так, например, по сводному балансу акционерных банков—89 миллионов, по обществам мелкого кредита—10 миллионов, государственному банку до 25 миллионов. Вся масса средств шла на кредитование торговли и через последнее всего хозяйства Туркестана. По имеющимся сведениям, вексельные кредиты местных банков распределялись таким образом: до 50% шло на учет и залог векселей, выданных на задатки, полученные под посевы хлопка; 15%—по хлебной торговле; 10%—лесной; 12%—колониальной и бакалейной; остальные 13% падают на другие виды торговли и промышленности. Кредиты банков лишь в слабой степени достигали мелкого производителя, в большинстве случаев они, прежде чем вступить в хозяйство, проходили через серию кредитных посредников.

Цифры подворного обследования отдела хлопковой статистики главного управления земледелия в 1916 году (из материалов ЦСУ) в хлопковых

районах Туркестана дают следующую картину задолженности по группам кредиторов:

1. У частных лиц	32,76	проц.
2. « хлопкооч. заводов	26,83	«
3. « банка	13,51	«
4. « мелкого кредита	11,99	«
5. « фирмы	7,71	«
6. « комиссионера	2,64	«
7. « чистача	2,40	«
8. « арбакеша	0,96	«
9. « лавки	0,77	«
10. « сельского общества	0,43	«
	100	проц.

13,51% ссуд поступило от банка, 11,99% — от мелкого кредита, 0,47% — от общества — непосредственные кредитования (всего 25,97%), остальные средства (74,03%) проходили через цепь посредников, которые путем выдачи задатков под будущий урожай обеспечивали себе поступление определенного количества хлопка. Система «задачивания» хлопка была крепкой связью между производителем хлопка и торгово-скучечным аппаратом, указывающей на движение хлопка и организации сельско-хозяйственного производства каждого последующего года.

Задолженность населения выражалась, например в 1916 году, по данным того же обследования в следующем соотношении: остаток долга от прошлого года в сумме всего долга составлял около 43,4%, при чем задолженность имела тенденцию к увеличению. Увеличение задолженности должно быть отнесено к общей нездоровой атмосфере, царившей вокруг хлопкового дела и отсутствию хорошего кредитного аппарата с непосредственным кредитованием производителя; это значительно удороожало получение ссуд: если ссуды мелкого кредита из 12% были благоденствием для населения, то процент по ссудам частных лиц (мелких ростовщиков) едва ли можно сравнивать с нормальным кредитом банков и крупных фирм.

Развитие мелкого кредита в Туркестане (в 1909 году — 10 товариществ, а в 1917 г. — 842, в 1920 году — 1315) говорит о пригодности его в условиях сельско-хозяйственной деятельности, где коммерческое кредитование не имеет данных для развития; мелкий же кредит в смысле выгодности и целесообразности для государства стоит вне сомнения.

Совершенно иное положение с торговлей и, следовательно, кредитованием торговли. Прежде, в условиях развитого капитализма, нить руководства торговлей в Туркестане находилась в руках банков, которые не ограничивались кредитованием торговли и торговыми-комиссионными операциями, но и широко производили операции за свой счет. В Туркестане эта деятельность имела устойчивую основу в самих особенностях местного рынка и туркестанского купца.

И, несмотря на восторжествовавший в последние годы взгляд на торговлю, как терпимое зло, последняя сохраняет свои позиции все времена. Недружелюбное отношение к торговцу в условиях войны, когда начала чувствоватьться дороговизна, вылилось в период революции в ненавистное отношение ко всякой торговле вообще, особенно к торговле на деньги.

Но попытки товарообмена, например, в Туркестане окончились неудачно. Закрытие административными распоряжениями крупных базаров привело только к тому, что базар из города переносился в близ лежащий кишлак (селение). Прекращение перевозок частных грузов по железной дороге дало толчок к возрождению прежних торговых путей: ташкентские торговцы вели регулярные сношения с Бухарой и Ферганой грунтовыми дорогами. На крупных базарах Туркестана в самые трудные дни, когда фронты и гражданская война затрудняли товарооборот, можно было видеть разнообразный ассортимент товаров не из припрятанных когда то, а по преимуществу вновь полученных из Персии, Индии, Афганистана и Китайского Туркестана. Столь усиленный приток товаров имел внутренние глубокие причины невозможности перехода к самостоятельному хозяйству. Почти то же происходит в Р.С.Ф.С.Р. Постепенно под давлением обективного хода хозяйственной жизни товарообмен сходит на нет. Последним отголоском этого некогда большого вопроса было постановление особой комиссии Р.К.И. Р.С.Ф.С.Р., которая признала желательным упразднение товарного обмена и замену его денежным. Деньги всем ходом экономики Советской выдвинуты на первое место. Натурализация обмена и натурализация хозяйства, дойдя до некоторого предела, приходят к своему отрицанию. «Советская экономика целиком повернула на рельсы денежного оборота, и отныне ни одна задача не сможет быть решена иначе, как при одновременном решении ее, как задачи финансовой», так писал недавно наркомфин Сокольников.

Сам процесс хозяйственной жизни решил вопрос о торговле; и мы видим, что государство деятельно поддерживает тенденции нашего хозяйства. Одним из наиболее характерных начинаний в этой области было восстановление Нижегородской ярмарки.

Учитывая, с одной стороны, роль кредита в Туркестане, а, с другой, важное значение Нижегородской ярмарки, как крупного центра торгового тяготения Средней Азии, естественно приходится отнести внимательно к формам развертывания кредитных отношений на этой ярмарке: первый опыт организации кредита на ярмарке должен быть использован Туркестаном вдвойне: во-первых, как опыт более широкой постановки кредита в условиях мировой экономической обстановки вообще, во-вторых, как опыт организации кредита в месте, с которым Туркестан связан длительными и устойчивыми интересами.

II.

Обстановка, предшествовавшая ярмарке, была благоприятной для оказания кредита в его традиционной форме. Наблюдалась повсеместная устойчивость цен, примерно с начала лета. Госбанк понижает ссудный процент до

2-х и отказывается от комиссии, (которая являлась скрытым увеличением процента). Но стоя, видимо, перед опасностью падения курса рубля, он идет сдержанию по пути оказания широкого кредита на ярмарке и предпринимает ряд мер по страховке своего капитала, как путем ограничения сумм, отпущеных по кредитованию торговли, так и всемерной пропагандой расчетного отдела.

Уже на первом заседании о кредите на Нижегородской ярмарке член правления Госбанка проф. З. С. Каценеленбаум указывает собранию торговцев, что расчитывать на широкий кредит нельзя, ибо правлением специальных средств не ассигновано, а уделена из оборотных средств сумма в 2½—3 триллиона, которая может быть доведена до 7—8 триллионов, в случае пятепсивного развития торговых операций и, указывает, как на лучший и единственный выход из создавшихся условий—устройство расчетного отдела.

При анализе некоторых цифр по отчетам заседаний учетно-ссудного комитета приходится учесть наиболее важную сторону такой политики.

Несмотря на урезку кредитов, выразившуюся в сокращении:

для государственных учреждений	на 500%
,, кооперативных	, 300%
,, частных лиц	, 296%

открытый кредит не был использован целиком ни группой госучреждений, ни кооперативными организациями.

Если взять данные на 25 августа, то мы увидим, что кооперация использует кредит интенсивнее, чем госучреждения; положение обрисовалось следующим образом:

Род учреждений	Сумма разрешенного кредита в миллиардах рублей	Сумма использованная	% от соотношение суммы использованной к разрешенной
Государственные	6.142	902	14,6%
Кооперативные	2.648	882	33,6%

Кооперация использует кредит вдвое интенсивнее, нежели государственные учреждения.

На 11 сентября были разрешены учетно-ссудным комитетом кредиты			Фактически актив отделения гос- банка разместился в результате ярмарочных операций		
Род учреждений	С у м м а		Род учреждений	С у м м а	
	В млд. р.	%		В млд. р.	%
Государственные	7.460	69,2	Государственные	3.100	43
Кооперативные	2.980	27,6	Кооперативные	2.950	41
Частные	340	3,2	Частные	1.150	16
Всего	10.780	100	Всего	7.200	100

Если допустить, что кредиты были до момента закрытия ярмарки еще расширены, то, по всей вероятности, соотношение их осталось тем же самым.

Так, при отпущенном кредите к общей сумме 69,2% (7,46 триллиона) госучреждения используют его только в половину, т. е. 3,1 триллиона, кооперативы и частные лица, как коммерчески более активные, используют ого более интенсивно. Невязка между первой и второй частью таблиц в цифрах по группе частных лиц происходит в силу того, что кредиты, видимо, были значительно увеличены в последние дни с 11 сентября по день закрытия ярмарки—15 сентября.

Сопоставление цифр по государственным учреждениям показывает следующее: 1) сокращение исправляемого кредита в пять раз, 2) использование отпущенного кредита менее, чем в половину, т. е., в общем, в десять раз запрашивалось больше потребностей.

Как же обошлись учреждения той «небольшой суммой», которая была предоставлена Госбанком? Здесь может быть: 1) или действительно кредит был недостаточен, если так сокращен и получение его затруднено, или 2) требования на кредиты несоизмеримо велики по сравнению с товарной массой.

На 11 сентября по прямому учету и палате взаимных расчетов было сделано заявок на кредит в сумме 126 триллионов, из которых на долю госучреждений падает 100 триллионов, а, как известно, весь оборот ярмарки равнялся лишь 60 триллионам (приблизительно). Безусловно, столь преувеличенные заявки делались не на обслуживание действительного оборота, а были направлены к получению максимальных кредитов, имея ввиду все выгоды, происходящие отсюда в условиях падающей валюты, да еще при столь льготных условиях, которые были приваты банком—2% без какой-либо комиссии.

Кредитование Госбанка, построенное на принципе целесообразного финансирования, должно было: во-первых, направить средства в наиболее важные отрасли народного хозяйства, во-вторых, всячески ограничить сумму денег, находящуюся в обращении, в третьих ввести в оборот кредитные документы, отчего уже совершило отыск банковский клиент.

Ассигнованные Банком суммы на Нижегородскую ярмарку в 7-ми триллионах были недостаточны, почему и был в первых же заседаниях о кредите поднят вопрос о необходимости организации расчетного отдела. Схема была предложена в следующем виде: каждый из участников ярмарки может вступить в расчетный отдел; по определению учетно-судного комитета, в соответствии с кредитоспособностью, устанавливается лимит, как по векселедательству, так и векселепредставительству. К концу ярмарки был произведен зачет взаимно погашающихся требований, а на остаток были выписаны векселя на Госбанк с платежом в Москве сроком по 15 ноября 1922 года.

Векселя выписаны в круглых суммах, но не ниже 5-ти миллиардов, акцептованы Госбанком и, тем самым, могли служить денежным суррогатом в платежах. Вопрос об отделе взаимных расчетов несколько раз осложнялся на совещании; отдел не работал до начала сентября, и только в силу необ-

ходимости начались операции через него. К концу ярмарки через отдел прошло максимальное количество сделок:

Общая сумма предъявленных векселей . 8740 миллиардов

Погашено взаимным зачетом . . . . . 3140 , или 36%

Сальдо непогашенных . . . . . 5600 , , 64%.

при 120 участниках, из коих:

45 по векселедательству

19 „ предъявительству

56 „ тому и другому.

Активные операции Банка выразились в 7,2 триллиона рублей и распределяются следующим образом:

Учет векселей			Специальные текущие счета под векселя		
Род учреждений	Число докум.	На сумму в млрд. руб.	Принято в млрд. руб.	Выдано по чекам в млрд. руб.	Внесено в млрд. руб.
Государственные .	171	1766	711	1049	355
Кооперативные .	118	1180	3182	1254	10
Частные	119	738	361	56	2
Итого . .	408	3684	4254	2359	367

Срочные ссуды под товары и товарные документы:

Виды учреждений	Количество ссуд	На сумму в млрд. руб.	Примечание
Госучреждения	21	385	
Кооперативы	18	519	
Частные лица	31	378	
Итого	70	1282	

При рассмотрении хода развития сделок на ярмарке по отражениям в банковских операциях обращает внимание эффектное развитие операций частных фирм. Другой характерной чертой является величина вексельного учета и онкадей сравнительно с товарными ссудами.

Для характеристики переводных операций необходимо отметить их распределение по периодам:

ПЕРИОДЫ	Получено переводов	Отправлено переводов	Разница
	В миллиардах рублей		
Август с 1 по 15	498,3	426,5	+ 71,9
, , с 15 по 30	440,7	1187,8	- 747,1
С 31 августа по 14 сентября	1387,7	1425,6	- 37,8

Временный приток денег, выразившийся в первый период в сумме 71 миллиард. руб., вскоре сменяется оттоком денег из ярмарочного оборота.

Текущие счета выделяются своей величиной и значительными остатками.

ПЕРИОДЫ	Приход	Расход	Остаток
	В миллиардах рублей		
С 1 по 15 августа	2510,3	1110,4	1399,9
С 15 по 30 »	4686,6	3883,7	802,6
С 31 авг. по 14 сент.	7020,1	6383,2	368,9

Кроме отделения госбанка, на Нижегородской ярмарке вел свои операции Покобанк. Влияние Покобанка на ярмарке было очень ограничено, ибо, не располагая значительными собственными средствами и не получив достаточно широкого кредита, отделение не смогло развернуть свои операции.

Покобанк при современной сети кооперативных об'единений и благоприятных условиях, в которые поставлена в настоящее время кооперация, сможет играть очень значительную роль в торговле Советской России. Но до тех пор, пока отсутствие значительных капиталов не позволяет ему сосредоточить свою клиентуру, роль Покобанка ограничена.

В атмосфере ярмарки отделение Покобанка было скромной организационной ячейкой в системе операций кооперативных учреждений. При общем кредите, отпущенном Госбанком кооперативным учреждениям в сумме 2,9 триллиона рублей, кредиты Покобанка выразились в сумме 139 миллиардов.

Подводя итог кредиту на Нижегородской ярмарке, необходимо учесть, что это кредит исключительно торговый. В практике Госбанка торговый кредит занимал и занимает ничтожную роль; около 8-ми процентов всего актива составляли векселя, в то время, как например, у Покобанка они составляли 53 %, а у прежних кредитных учреждений большую часть актива; при этом нужно отметить, что вексельный портфель Госбанка был заполнен соловекселями (87 %). Следовательно, можно сказать, что в условиях совре-

менного хозяйства кредиты Госбанка есть целевое государственное финансирование. Кредитование торговли несет в своем виде неопределенность круга лиц, извлекающих выгоды от кредита, ибо государственная торговля обнимает лишь незначительную верхушку существующего торгового аппарата. Главная же часть состоит из массы мелких частных торговцев.

В условиях, сложившихся на Нижегородской ярмарке, когда учреждения отказывались от отпуска товаров в кредит, Госбанк, с своей политикой вексельного учета и организации расчетного отдела, в котором риск оплаты падает на Госбанк, способствовал благоприятному исходу ярмарочных операций. Без участия Госбанка, пошедшего на риск некоторых убытков от ярмарочных операций, благоприятный исход ярмарки едва ли был бы возможен.

Опыт кредитования торговли в особенности должен быть учтен для Туркестана. При отсутствии крупной промышленности в Туркестане, которая могла бы удовлетворять потребность хозяйств, и при тесной зависимости сельского хозяйства от рынка, торговля являлась и является первом всей хозяйственной жизни.

Выход Средней Азии на широкие международные торговые пути в значительной степени зависит от Нижегородской ярмарки, с развернутым на последней кредитным аппаратом, специально приспособленным к нуждам торговли.

Источники: 1. Материалы статистико-экономического бюро при ярмаркоме. 2. «Средне-Азиатский экономический район». Ташкент 1922 г., изд. ТЭС'а. 3. Бюджетное обследование отдела хлопковой статистики гл. упр. земледелия в 1916 г. (из материалов ЦСУ). 4. «Кредит в Туркестане» В. С. Яновский (рукопись). 5. Периодическая пресса.

Е. И. БУРШТИН.

ТРАНСПОРТ

В ПЕРИОД НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

1922-го ГОДА.

Изнуренный войной 1914—1917 г. русский транспорт всех видов выполнил еще более изнурительную работу в условиях гражданской войны.

В этот период „грозы и бури“ транспорт переходит на службу к двум крупнейшим и основным органам государства: к народному комиссариату по военным и морским делам и к народному комиссариату продовольствия. Установившийся в стране режим войны и голода накладывает на транспорт отпечаток властного своеобразия.

В эти бурные годы не всегда можно предусмотреть очередные места военных действий и очередные районы систематического недоедания. На полотне железных дорог, освещенном прожекторами революционных армий, озаряется то здесь, то там вспыхивающими пожарами, русская жизнь отражает картину борьбы классов, полную невероятного напряжения. Эта борьба приводит к тому, что транспорт уже не исполняет своих обычных функций по перемещению в народном хозяйстве людей и предметов хозяйства. Вместе с другими средствами сообщения: почтой, телеграфом и телефоном он всецело подчинен административным и военно-оперативным приказам государственной власти, и, таким образом, его деятельность определяется не интересами народного хозяйства в целом, а междугородними, межрайонными и сплошь и рядом междууездными интересами. Русский транспорт, проделав эту гигантскую работу, переживает один кризис за другим.

К нашему времени, наряду с общим оживлением тканей народно-хозяйственной жизни России, транспорт подлежит возрождению.

Для правильной оценки транспорта, как одной из отраслей народного хозяйства, необходимо остановить внимание на некоторых особенностях русского народно-хозяйственного процесса.

Эти особенности, по мнению русского экономиста Дена, заключаются в том, что еще к началу мировой войны „Россия, несмотря на поступательное движение своего народного хозяйства, продолжала оставаться страною хозяйствственно-отсталой“. Вытекая из глубоких основ нашей народной жизни, из географического положения страны и из ее исторических судеб, натурально-хозяйственные элементы и до сих пор тяготеют над нашим хозяйственным развитием. Кроме того, натуральное хозяйство всегда связано с низкой производительностью труда, слабым развитием потребностей и общей хозяйственной отсталостью“.

Эти соображения вызывают живейший интерес, так как в настоящее время, на наших глазах Россия, восстанавливая пути своего внутреннего и международного обмена, попрежнему является страной, только переходящей

к денежному хозяйству, и страной, безусловно, пониженной хозяйственной культуры. Здесь как бы восстанавливается в хозяйственных явлениях цепь фактов, определяющих внедрение капитализма в экономику дореволюционной России с общим изменением социальных и экономических задач и форм, устанавливаемых поступательным движением Великой Революции.

Пониженная хозяйственная культура с преобладанием форм натурального хозяйства оказывается прежде всего в слабом оборудовании страны путями сообщения.

Так, к началу мировой войны Россия по протяженности железнодорожной сети и в отношении этой протяженности к площади страны и плотности населения далеко отстоит от других европейских стран. Еще более эти замечания справедливы в отношении к Азиатской России, так как длина ее железнодорожной сети в отношении к площади совершенно ничтожна.

Далее при огромной абсолютной длине водных путей, Россия по длине каналов и шлюзовых рек превосходит только бывшую Австро-Венгрию, значительно отставая от Соединенных Штатов, Франции и Германии.

Наконец, обладая незначительным торговым флотом, Россия занимает весьма низкое место в области судостроения.

Таковы вкратце черты нашей хозяйственной культуры и ее исторические «путевые» особенности, на фоне которых, потрясения пережитые русским транспортом, сопровождались в эпоху войны и революции крайней болезненностью.

I.

Обзор нашего современного транспорта необходимо начать с упоминания о том, что к началу революции из его состава выпадают железнодорожные хозяйства Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, обладавших наиболее густыми железнодорожными сетями и уменьшивших своим отделением от России длину ее железных дорог на 5200 километров или на 8,4 проц.

Далее, по отчетам Н.К.П.С. из 65000 верст нашей современной железнодорожной линии общее протяжение линий, попавших в сферу военных действий, достигает 54000 верст или 83,07 проц. Иллюстрацией этого процесса могут служить сведения, которыми располагал народный комиссариат путей сообщения ко времени открытия Нижегородской ярмарки о разрушениях, произошедших на транспорте в период гражданской войны.

Повреждено:

Мостов	3597
Железнодорожных путей	1700 верст.
Стрелочных переводов	2900
Зданий и депо	381
Мастерских площадью	4000 верст.
Гидравлических колонн	264
Водоемн. и водопровод. зданий .	466

Телеграфных аппаратов	4331
Телефонных аппаратов	9896
Гражданских построек	5300 (общей площадью свыше 117000 кв. саж.).

За этими цифрами стоят целые годы предстоящей работы по восстановлению нашего железнодорожного хозяйства.

В своих основных частях оно рисуется в следующем виде:

Наличие паровозов

Г о д ы.	Количество.
1914	20.320
1915	20.000
1916	19.000
1917	20.400
1918	9.000
1919	9.000
1920	17.800
1921	18.700
1922 (июнь)	19.100

Эту таблицу, определяющую инвентарное количество паровозов, необходимо сопроводить одним существенным и своеобразным разъяснением. Обращая внимание на количество паровозов в конце 1917 года и на неподвижную цифру 9.000, падающую на 1918 и 1919 годы, необходимо признать, что эти цифры являются, очевидно, единственными доступными наблюдателю явлений этих двух ставших синонимами неизбежной анархии лет. С этими неподвижными цифрами мы вынуждены подошли к тому времени, когда всякий учет был устранен кровавой логикой военных действий, инвентарные книги выкуривались на „цигарки“, часть паровозов вместе с целыми поездами переходила на „самоснабжение рыбой и саксаулом“, часть стояла холдингами в бесчисленных тупиках. Отдельные районы, отрезанные друг от друга, скрывают по необходимости свое имущественное положение. И мы видим, как с прекращением гражданской войны, начиная с 1920 года, инвентарное количества паровозов снова выпрямляется и достигает 17.800 единиц. Очевидно, к этому времени можно было беспрепятственно заглядывать на более дальние расстояния, и, скажем, Ташкент мог узнать самые неожиданные подробности о состоянии Самаро-Златоустовской железной дороги и наоборот.

Дальнейший анализ инвентарного количества паровозов показывает, как постепенно с 17.000 здоровых паровозов в 1914—1916 г., с 15.500 паровозов в конце 1917 г.—мы переходим в июне 1922 г. к 6.957 единицам здоровых паровозов. Таким образом, число здоровых паровозов к началу Нижегородской ярмарки уменьшается на 41 проц. по сравнению с довоенным временем и на 45 проц. по сравнению с предреволюционным периодом.

Если мы из паровозного парка пройдем к нашим вагонным рядам, то увидим, что наличие вагонов в 500.000 штук в 1914 году падает до 420.000

единиц, которые мы имеем теперь, при этом количество здоровых вагонов понижается с 475.000 единиц в довоенное время до 276 000 единиц в рассматриваемый период, или 95 проц. здоровых паровозов из общего количества находилось в обороте в довоенное время и 66 проц. здоровых единиц мы имеем в наличности в середине 1922 года.

К приведенным данным необходимо добавить, что средний суточный пробег паровоза 111 верст в довоенное время падает до 78,5 версты в наше время и оборот рабочего вагона с 12 суток в довоенный период увеличивается до 27,2 суток в отчетный период 1922 года.

Теперь, переходя к вопросу о состоянии верхнего строения наших путей сообщения и, главным образом, шпал, необходимо отметить их „недопустимую“ живучесть и удивительную выносливость.

Возраст русской шпалы на первое января 1923 года по данным эксплоатационной статистики Н. К. П. С. в его отношении к среднему нормальному сроку шпал на русских железных дорогах будет определяться:

НАИМЕНОВАНИЕ ШПАЛ	Средний норм. возраст	Возраст шпал на 1 января 1923 г.
Сосновые непропитанные	3 года	4,56 года
Сосновые пропитанные	5,5 ,,	8,4 ,,
Еловые	2,5 ,,	4,11 ,,
Дубовые	4,5 ,,	7,73 ,,

Всматриваясь в этот послужной список, трудно себе представить большее «сопротивление материалов». Превышение среднего нормального возраста на 52—72% способно сбросить под откос не один поезд, и апелляция к законам инерции не должна ослабить нашего внимания к заслуженным русским шпалам.

Переходя к вопросу об обеспеченности нашего транспорта топливом, необходимо указать, что в этом отношении транспорт отражает общий неуют и холод многотрудного железнодорожного и гражданского быта эпохи революционных войн. Мы уже указывали на переход целых узлов на самоснабжение саксаулом и рыбой. Топливный кризис был самым мучительным кризисом, не утратив своей остроты и к нашему времени.

Так к началу Нижегородской ярмарки дороги южного округа путей сообщения имели запас дров на время от $1\frac{1}{2}$ до 5 суток.

Московско-Казанская железная дорога имела запас дров на 4 дня.

Крымское отделение южного округа путей сообщения на 20 августа имело топлива на несколько часов.

Все другие измерители и коэффициенты нашего железнодорожного хозяйства только подчеркивают резкое падение его актуальности и могут лишь оттенить общий упадок наших железнодорожных ресурсов.

Моральный облик транспорта также обнажает в переходное время грядущую невероятного падения.

54.000 верст нашей сети в огне войны обнаруживают необычайное падение производительности труда рабочих и служащих.

Народный комиссар путей сообщения т. Кобозев четко характеризует это положение в своем приказе: «Восьмичасовой рабочий день и часовая оплата труда окончательно разложили несознательные массы, понявшие эти лозунги не как призыв к наивысшей производительности труда свободного гражданина, а как право на ленность, не окупленную никаким подъемом труда. Целые мощные железнодорожные мастерские изо дня в день ведут изврную кампанию бездействия на принципе: «С какой стати я буду работать, если сосед получает часовой заработок, сложивши руки на груди». (1918 г.).

Все эти явления в свое время ставили один и тот же вопрос о стимулировании труда в условиях переходного времени и разрешались на протяжении пережитых нами 5-ти лет сначала увеличением количества рабочих и служащих на одну версту сети, затем методами милитаризации труда и, наконец, радикальным стремлением улучшить материальный быт железнодорожных рабочих и служащих на основе стбора наиболее стойких и квалифицированных элементов.

К нашему времени моральные устои транспортного хозяйства потрясены позорным явлением взяточничества и хищения грузов, имеющим под собой ряд экономических причин. Толкаемый нуждой и голодом железнодорожник расхищал исключительно продовольственные грузы. По данным майского сборника «Статистика транспорта» в отчете о деятельности железнодорожных трибуналов за период февраль—май месяцы 1922 года можно усмотреть нижеследующее. Наибольшее количество осужденных определяется преступлениями, связанными с подделкой правительственные документов и печатей, с превышением, злоупотреблением и бездействием власти, со взяточничеством и вымогательством, с хищением из государственных и кооперативных складов и дает цифру в 4.141 человек и, напр., по разделу о преступлениях против государственного строя Р. С. Ф. С. Р. всего лишь 15 человек.

Ко всему этому необходимо добавить, что транспорт, начиная с 1918 года, не выходил из полосы ударных работ, переходивших в работы сверхударные, и грузы в большинстве случаев двигались с надписью «вне всякой очереди».

Большой вред приносили железнодорожному хозяйству плановые перевозки, бронировавшие за тем или иным учреждением определенное количество вагонов, не всегда нужных данному учреждению по его товарным ресурсам.

Очерченные факты вскрывают сложный комплекс причин, лежащих в их основе. На осыпающей лаве военного вулкана обнажились прежде всего вялость и изношенность экономических факторов, как следствие экономической разобщенности, в которой находились отдельные хозяйствственные районы в период революционных войн.

Ко всему этому не нужно забывать, что транспорт до новой экономической политики состоит в должности государственного возчика, обязанного возить на основе бесплатности своих услуг. С ее отменой перед нами встал вопрос о тарифах и тарифной политике.

II.

Остановив внимание на нашей тарифной политике, мы должны лишний раз подчеркнуть необходимость внимательного отношения к явлениям нашей многогранной действительности, ибо только в ее повседневной практике можно начать кропотливую работу по приспособлению тарифов к нуждам народного хозяйства, сначала в узких границах отдельных районов, потом в пределах всей страны и далее во взаимодействии с интересами мирового хозяйства. Иного пути нет. В противном случае, если бы завтра нам вернули право свободного выхода к морям и океанам, если бы завтра советский флаг показался у Дарданел, — мы бы могли самым искренним образом ликовать, но наше ликование не было бы отражением мощного государственного и экономического бытия. Нам прежде всего необходимо действовать, функционировать в каждой клеточке нашего хозяйственного организма и тем самым становиться носителями хозяйственной власти. Грозные предостережения идут со всех сторон. Почему образовался тарифный тупик? Какие основания лежат в том, что наше «тарифное сознание» приняло самостоятельное развитие от нашего повседневного «транспортного бытия»? Вот несколько исторических справок. Начиная с 1917—1918 гг., явочным порядком, впоследствии санкционированным государственной властью, отменяется платность перевозок. По железнодорожным и водным путям передвигаются ведомственные грузы и устанавливается за них порядок бухгалтерского расчета различных ведомств с народным комисариатом путей сообщения. От многообразия товарного оборота мы вынуждены перейти к однобразию ведомственных перевозок.

В январе 1921 г. уставом железных дорог бесплатность перевозок декретируется законом, и существовавший до введения этого устава центральный и линейный аппарат тарифных учреждений и коммерческих служб сходит на нет. Необходимо заметить, что к началу рассматриваемого нами периода этот аппарат снова восстанавливается с невероятными трудностями. Бесплатность ведомственных перевозок создавала возможность нерационального использования подвижного состава, и в этот период практика отмечает всречные перевозки, простой, нереальные заявки, переброску целых составов с

одной окраины на другую без использования таковых. В июле 1921 г. декретируется платность перевозок с оставлением для государственных и кооперативных учреждений права расчета не наличными деньгами, а удостоверениями на безденежную перевозку. Расточительное пользование подвижными составами продолжается. И разрушенный коммерческий аппарат народного комиссариата путей сообщения не может поставить реальных преград этому процессу. Только в январе 1922 г. для кооперацii и в августе того же года для большинства государственных учреждений вводится платность перевозок. С этого времени вместе с новой экономической политикой вызван к жизни и частный грузооборот. Отныне государство, кооперацiя и частный предприниматель пользуются на первых порах ставками и тарифами, увеличенными с июля 1921 г. в 20.000 раз против ставок довоенного времени. Этот первый коэффициент повышения тарифов в ряде последующих, взятый ощупью, наугад, и знаменует собой начало отрыва «сознания» и «бытия». Без всякого учета элементов развития, складывающегося в рамках новой экономической политики хозяйства и прежде всего платежеспособности населения, тарифы механически повышаются из месяца в месяц: в феврале текущего года еще в 4 раза, в марте в $2\frac{1}{2}$ раза, в апреле еще в $\frac{2}{3}$ раза и, наконец, в июне еще в 2 раза и который раз и когда последний? Таким образом, пассажирские, грузовые и разного рода дополнительные сборы были повышены в два миллиона раз против ставок 1917 г.

Кстати об этих дополнительных сборах в пользу городов, коммунальных сборов и многих др. Вот пример коммунальных сборов.

Наименование товара	Откуда и куда следует	Стоимость фрахта	Коммунальный сбор
1 вагон мануфактуры	Из Азебейджана через Нижний Новгород смешанным ж.д. и водным путем	1.872.160.000 р.	1.038.000 т. р.
75 пуд. монпасье . .	Из Баку в Красноводск	14.250 т. р.	39.375 т. р.
141 пуд вина и коньяку	Из Баку в Астрахань	65.320 т. р.	211.500 т. р.

Если с точки зрения практикующейся у нас социальной этики можно примириться с столь непомерно обложенным вином и конфектами, вряд ли можно тоже самое сказать относительно мануфактуры.

Такое огульное повышение тарифов и сборов строилось на желании народного комисариата путей сообщения во что бы то ни стало перейти на начала самооправдывания и соответствия доходов рыночным ценам на предметы первой необходимости.

Несоответствие тарифов платежеспособности грузов внутреннего товарооборота сплошь и рядом парализуют торгово-промышленную инициативу, так как высокий тариф поедает все возможные и доступные выгоды переброски товаров из одного района в другой. Так, на расстоянии тысячи верст, при перевозке вагонами, с загрузкой выше 500 пуд. в вагон провозная плата повышает стоимость товара на:

Шерсть	25,5%
Фрукты	27%
Пенька	37%
Семя льняное	46%
Глауберовая соль	83,0%
Железо сортовое	48,6%
Колчедан	150%

Если мы теперь обратимся к нашим экспортным товарам, то анализ накладных расходов связанных с переброской этих товаров за границу, совершенно лишает экспортёров каких бы то ни было стимулов к производству и накоплению экспортных товаров. Если учесть стоимость нашего сырья в экспортном виде франко вагон, железнодорожный фрахт, водный фрахт, страхование, выгрузку и нагрузку в пути и в конечном пункте, хранение, потерю в пути, комиссионные, маклерские, административные расходы, процент на затраченный капитал, государственные и местные налоги, то яловая кожа не обделанная по маршруту Казань—Берлин через Петербург даст на пуде при условии совершения сделки сроком от полутора до двух месяцев убытку 21%, Смоленский лен по маршруту Смоленск—Рига при тех же условиях даст на пуде 23% пользы, Ржевский лен по маршруту Ржев—Рига даст 24,7% пользы, пенька-сырец по маршруту Брянск—Рига даст 11,8% убытку, лес пиленый хвойный дает 36,8% пользы, козлина по маршруту Оренбург—Рига даст 8,7% убытку, шерсть по тому же маршруту даст 3,2% убытку и только заяц-беляк по маршруту Оренбург—Рига даст 125,8% пользы.

Как видно из только что приведенных данных, относящихся как раз к периоду Нижегородской ярмарки, наши ходовые экспортные товары не имеют коммерческих оснований на выход за границу, так как каждый из этих товаров, будучи подвезен к границе, утрачивает всякую способность котироваться

на за-границном рынке. Таким образом, наши тарифы, как в отношении к внутреннему товарообороту, так и в отношении нашего экспорта носят запретительный характер.

На этом не может остановиться наш анализ саморазвивающегося «тарифного сознания». В довоенное время тарифная сеть включала в себя 92 дифференциала и 283 исключительных тарифа, и, таким образом, грузы распределялись соответственно их платежной способности по этим гибким и многообразным разрядам. В настоящее время (июль—август 1922 г.) существует семиклассная тарифная схема, при чем для повагонных отправок к рассматриваемому периоду имелось только 4 разряда, так как первые 3 разряда относятся к попудрным и пастбищным грузам. Вот почему нет ничего удивительного в том, что в пятый разряд семиклассной схемы, по которому везется все продовольствие, включены асфальт, алебастр и мел, в шестом разряде наряду с железом, чугуном, соломой и сеном находятся кирпичи, камень и песок, а по седьмому разряду везутся и овощи, и хворост, и торф, и руда. Лишь только практика обнаружила уродство семиклассной сетки, тарифный комитет Народного Комиссариата Путей Сообщения одобрил более отвечающую грузообороту двенадцатиразрядную сетьку, и было принципиально постановлено восстановить довоенную номенклатуру грузов.

Отмеченные выше дефекты тарифной политики вели к тому, что, вместо оживления грузооборота, наш грузооборот упирается в тарифный тупик. Вместе с ним в бесчисленные тупики упираются и перевозочные средства. Связанная нитями экономического взаимодействия Россия то здесь, то там вздрагивает от тарифных ужасов и останавливается, по образному выражению, как вкопанная, но, к сожалению, не только образно, но и вполне реально. «В Туркестане наблюдается развитие гужевого транспорта, и между Самаркандин и Ташкентом ходят караваны, поезда же пустуют». По сообщению из Перми, «следствие высоких тарифов, царства к низовью Камы приходят пустыми. На Волге вследствие высоких тарифов пассажирское движение замирает. В верхнем плесе из семи ранее существовавших рейсов ныне функционирует только 1 с весьма незначительным числом пассажиров, все остальные уведены в затоны. В нижнем плесе из двух пассажирских рейсов действует только один. В таком же положении и караваны барж, почти не имеющие груза». Далее—телеграмма с Урала: «следствие повышения железнодорожного тарифа, многие тресты и учреждения Урала не в состоянии уплатить его стоимость за неимением денежных знаков». Такие же сведения с Украины. Вспомним нашу телеграмму из Туркестана непосредственно Ленину с просьбой предоставить льготные тарифы и с указанием на то, что участие Туркестана на Нижегородской ярмарке может быть сорвано высокими тарифами.

В это же время со всех концов России, от всех управлений дорог поступают категорические просьбы изменить тарифы. На этом настаивают Юго-Восточная дорога, Самаро-Златоустовская, Николаевская ж. д. Сызрано-Вяземская и, наконец, съезд коммерческих агентов Московско-Балтийской ж. д. Все эти управления указывают на то, что тарифы давят грузооборот. Сове-

щание представителей крупнейших государственных трестов, под председательством профессора Каратыгина, посвятив вопросу о тарифах специальное заседание и отмечая дальнейшую недопустимость механического умножения действующих тарифов на произвольно взятые коэффициенты, исходя из государственных интересов, указывает на то, что существующие тарифы не отвечают ни насущным экономическим нуждам государства, ни интересам самого транспорта. Это же совещание указывает на необходимость построения тарифов на основе изучения экономических условий России.

Отмеченными моментами определяется сдвиг в сторону от узко-колейных ведомственных интересов в сторону взаимно переплетающихся интересов различных сторон нашего хозяйства. Когда пишутся эти строки, к тарификации товарных ценностей привлечены все агенты современного товарооборота в лице государственных, кооперативных и частных торгово-промышленных об'единений, представители коих введены в тарифный комитет. Намечена практика периодических тарифных съездов, главным образом, из представителей командующих высот государственной промышленности и торговли. Большие надежды возлагаются на предоставление отдельным округам и управлению права введения самостоятельных тарифов, в соответствии с экономическими особенностями того или иного района. Необходимо, однако, заметить, что этот шаг может дать положительные результаты лишь при полнокровности и экономической значимости того или иного района в общем укладе нашего народного хозяйства. В противном случае ведомственный эгоизм может использовать автономию в интересах содержания дороги для данного управления, а не для интересов расположенных окрест народно-хозяйственных участков. С каждым днем ширящиеся перспективы хозяйственного возрождения России веяют уверенность, что мы избегнем этого. Наконец, та же растущая и усложняющаяся жизненная обстановка привела к тому, что транспорт перешел к применению более гибких и многообразных тарифных разрядов. Для многих грузов, имеющих первостепенное значение в народном хозяйстве (хлеб, топливо), введены специальные тарифные схемы.

Этими реформами, относящимися к сентябрю 1922 г., мы вплотную подошли к берегам живой действительности.

Перед нами широкие возможности правильного построения тарифной политики и укрепления коммерческих аппаратов наших железнодорожных и водных путей.

Транспортное хозяйство все глубже и шире осознает себя сложным и основным механизмом в культурно-хозяйственном строительстве России. Во главу угла ставится организация экономических управлений. Когда пишутся эти строки,правление Рязано-Уральской дороги, отражая общую тенденцию, объявляет прием тарифной платы за перевозку при посредстве Рязано-Уральской дороги натураой и продукцией. Для производства расчетов натураой клиенты дороги заявляют в экономическую службу или соответствующим начальникам станций о своем желании уплатить тариф товаром, указывая цену такового. Продукция принимается и в счет предстоящих перевозок.

каковые будут оплачиваться чеками с текущего счета, открытого управлением дороги по сумме принятого ею товара. Натурально-хозяйственные элементы пронизывают все отрасли нашего хозяйства. Транспорт обеспечивает себе более устойчивое положение на рынке путем привлечения и концентрации у себя товарных ресурсов. Вернувшееся к транспортному бытию сознание творит для него новый этап развития, тесно связанный с общим строем нашего современного народно-хозяйственного процесса.

III.

Потрясения, пережитые железнодорожным транспортом, еще в большей мере пережиты нашими водными путями.

Как раз по Волжско-Каспийскому району пришли наиболее жестокие удары войны. Интересно отметить, что военные действия прошли по наиболее мощным в довоенное время торговым путям в том же направлении, в каком раньше двигались товары. Так именно с Нижегородской ярмарки товары в пределах Волжско-Каспийского района достигали Приуралья, западной Сибири и Средней Азии. Вспомним, что гражданская война началась в Самаре, откнувшись к Уралу, захватила Сибирь и, наконец, Оренбургской и Асхабадской провинций закрыла путь в Среднюю Азию с двух сторон—со стороны Красноводска—со стороны Самары—Оренбурга. Сжатый в тиски гражданской войны, водный транспорт наряду с железнодорожным переживает процесс распыления и изнашивания своих материальных ресурсов. Он утрачивает черты активного, коммерчески выдержанного и самого выгодного в довоенное время агента в хозяйстве и переходит на службу к Народному Комиссариату по Военным и Морским делам и к Народному Комиссариату Продовольствия. Здесь мы можем отметить очертенную выше цепь событий. Водный транспорт сводится на степень административного учреждения, механизируется военно-оперативной обстановкой, и только с новой экономической политикой транспорт, как на суше, так и на воде начинает обростать «здравым жиром», и мы сейчас увидим как, например, из ведомственного Волгопрада зародилась и окрепла одна из крупнейших транспортных организаций Волжско-Каспийского района—Государственно-Коммерческая Транс-Волга эпохи НЭПа. Тесно связав свою работу с железнодорожным, гужевым и даже плечевым транспортом, Волжско-Каспийская транспортная комиссия по перевозке продовольственных грузов (Волгопрад) представляет из себя ряд распределительных баз на скрещении железнодорожных и водных путей и производит в период 1917—1921 г. прием грузов от водного транспорта, их разгрузку, хранение, сортировку, загаривание и переработку (перемол зерна, промывка и копчение рыбы) и дальнейшую отправку. Для осуществления этих задач Волгопрад располагал всем тоннажем водного транспорта и имел в своем распоряжении складов общей вместимостью в 14.651.000 пуд. Деятельность Волгопрада по годам можно усмотреть из следующей таблицы:

Годы	Общее количество перевез. грузов	В Т О М Ч И С Л Е			
		Соль	Рыба	Хлеб	Разные
1918	41055000	72,7%	16,6%	10,3%	0,4%
1919	29133000	42,6%	8,6%	11,3%	15,5%
1920	39143000	49,4%	11,3%	36%	3,3%
1921	35673000	73,5%	15,5%	10,6%	4,4%
	145004000				

В апреле 1922 г. Волгопрод уступил место Транс-Волге, которая к началу Нижегородской ярмарки успела перестроиться в коммерческо-государственную организацию, оставив далеко позади приведенные в таблице операции Волгопрома. За пять навигационных месяцев 1922 г. (апрель—сентябрь) пропущено через склады Транс-Волги и перевезено водным путем и отчасти по железным дорогам свыше 60 миллионов пудов разных грузов в том числе в тысячах пудов:

Соли	14.247
Рыбы	1.609
Семени масл.	1.136
Рису	81
Хлеба	517
Разного груза	2.000
	19.590

В общем ассортименте привезенных товаров фигурирую, кроме соли, рыбы, хлеба и риса—сено, дрова, лесные материалы, кожевенный товар, мыло, цемент, хлопок, чугун и др. товары. Этими товарами продовольственный ассортимент 1918—1921 г. разнообразится в 1922 г. предметами, идущими на воспроизводство производительных сил, разоренных войной и голodom районов. Рядом с хлебом и солью движутся строительные материалы и предметы первой необходимости. Общее количество перевезенных в навигационный период 1922 г. товаров составляет 125 проц. перевозок 1918 г., 146 проц. перевозок 1919 г., 115 проц. перевозок 1920 г. и всего лишь 35 проц. перевозок 1912 г. и 16 проц. перевозок 1913 г.

Ярмарочный грузооборот Волжско-Каспийского транспортного правления Транс-Волги рисуется в следующих чертах: с момента открытия работ

по организации Нижегородской ярмарки по 14 сентября 1922 г. Транс-Волгой принято к перевозке 572,269 пудов разного груза, в том числе:

1. Чугун, железо, свинец	44,2	проц.
2. Лесные материалы	17,4	«
3. Корье	14	«
4. Овчина, шерсть, валеный товар	7,4	«
5. Цемент	3,9	«
6. Хлопок	3,5	«
7. Хлебные грузы	1,5	«
8. Бумага	1,4	«
9. Электрические принадлежности, ружья, огнеприпасы, сельско-хозяйственные орудия	1,4	«
10. Мануфактура	1,3	«
11. Посуда, стекло, самовары	1	«
12. Мешки, рогожи	0,9	«
13. Бакалея, кондитерские товары, вино	0,6	«
14. Аптекарские товары	0,4	«
15. Табачные изделия	0,4	«
16. Кожа-сырец	0,3	«

100 проц.

Из этого количества падает:

На грузы государственных учреждений	93,1	проц.
« кооперативных организаций	2,1	«
« частных т-в и лиц	4,8	«

100 проц.

Из общего количества ярмарочных грузов, пропущенных через аппарат Транс-Волги:

Прибыло в Нижний . . . . . 349515 п.—61,1 проц.

Отправлено из Нижнего . . . . . 222754 п.—38,9 «

согласно приведенной таблицы (в круглых цифрах).

Прибыло в Нижний		Отправлено из Нижнего	
откуда	Пуды	куда	Пуды
Урал	244.517	Бухара	100.000
Бухара	43.460	Дуденево	80.000
Москва	14.565	Ст. Кудиново	10.000
Вятка	11.933	Ст. Раствино	10.000
местные	7.753	Петроград	7.009
Закавказье	6.800	Кострома	3.000
Шелесье	5.549	Вятка	3.000
Ст. Прилуки Зап. ж. д.	5.057	Казань	2.839
Казань	2.620	Екатеринбург	2.800
Ярославль	1.534	Арзамас	2.000
Тула	1.326	Пермь	709
Петроград	1.261	Тюмень	390
Гомель	1.080	Царицын	333
Рыбинск	751	Ижевский завод	290
Вязники	715	Москва	210
Иваново-Вознесенск	333	Ярославль	129
Саранск	180	Марийский Посад	23
		Саратов	22
	349.516		222.754

Всего 572.269 пудов.

Приведенные сведения отмечают прежде всего незначительность товарных партий, движущихся по нашим торгово-промышленным радиусам, катастрофически уменьшающимся в пределах Волжско-Каспийского района. Транспортные организации легко справляются с задачами ярмарки. Общее количество товаров, попавших в грузооборот Транс-Волги, составляет 1 проц. грузооборота в навигационный период 1922 года.

Переходим к характеристике государственного транспортного треста Народного Комиссариата Путей Сообщения. Эта организация была представлена на ярмарке специальным ярмарочным отделением с особо уполномоченным от Туркестанской республики. Грузооборот транспорт. треста в отно-

шении к средне-азиатскому району может быть установлена из следующих таблиц:

ЯРМАРОЧНЫЙ ГРУЗООБОРОТ ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТРАНСПОРТРЕСТА Н. К. П. С.

Принято к перевозке и доставлено в Нижний-Новгород по 15 сентября 1922 г. разного груза 25.894,8 пуд. в том числе:

1. Шерсти	9525,17	пуд.	36,7	проц.
2. Сухфруктов :	7282,07	"	28,1	"
3. Селитра	2460,08	"	9,4	"
4. Кожа разная	2274,2	"	8,7	"
5. Волоса	1337,77	"	5,2	"
6. Кожа выделанная	1364,6	"	5,2	"
7. Овчина	1219,7	"	4,6	"
8. Мыльный корень	275	"	1,5	"
9. Каракуль	154,7	"	0,6	"
	25894,8	пуда	100	проц.

Из этого количества падает:

На грузы государственных учреждений . . 16.405,8 п.—63,4 проц.

„ кооперативных организаций . . 8.833 "—34,1 "

„ частных т-в и лиц . . . . . 656 "—2,5 "

25.894,8 п.—100 проц.

ТОВАРЫ, ОТПРАВЛЕННЫЕ ИЗ НИЖНЕГО-НОВГОРОДА В ТУРКЕСТАН ЧЕРЕЗ ТРАНСПОРТРЕСТ.

Всего товара 32.788,85 пуд., в том числе:

1. Бумага	9963,3	пуд.	30,39	проц.
2. Посуда	5754	"	17,55	"
3. Железо	5011	"	15,28	"
4. Пенька	3415,38	"	10,41	"
5. Предметы домашн. обихода .	2150,9	"	6,56	"
6. Мануфактура	1482,2	"	4,52	"
7. Аптекарские товары	1183,8	"	3,61	"
8. Деготь	1016	"	3,1	"
9. Разные товары	857,23	"	2,62	"

10. Москательные и химические

товары	495,2	«	1,51	«
11 Технические принадл.	424	«	1,29	«
12. Предметы одежды	281,07	«	0,86	«
13. Табачные изделия	165,17	«	0,50	«
14. Обувь	130,37	«	0,40	«
15. Шрифт	93,37	«	0,29	«
16. Строительные материалы . .	10,87	«	0,03	«
17. Сельск.-хоз. принадлежн. .	354,52	«	1,08	«
	32788,5	пуд.	100	проц.

Из этого количества падает на:

Государственные учреждения	31.443,2	п.—95,90	проц.
Кооперативные «	334,75	« — 1,02	«
Частные т-ва и лица	1.010,57	« — 3,08	«
	32.788,5	« — 100	проц.

В приведенных таблицах можно усмотреть предметы привычного для средне-азиатского района экспортно-импортного плана с той только разницей, что активность присвоена государственным и кооперативным учреждениям, коим облегчен риск при неблагоприятных для частного предпринимателя условиях. Частный предприниматель, учитывая неблагоприятную рыночную конъюнктуру, представлен на ярмарке ничтожным количеством товаров.

Что касается общего грузооборота Транспорттреста в ярмарочный период, то он сводится к использованию 250 вагонов в маршрутах и 120 вагонов вне маршрута, при чем три маршрута из Туркестана составляют 85 вагонов, из Уральского района привезено 125 вагонов с бумагой, кожей, изделиями из металла и др., из Крыма и Кавказа табак, вино, минеральные воды, всего до 15 вагонов, из Москвы мануфактура, мука и др. товары 10 вагонов, из Центральной России разных грузов до 15 вагонов. Таким образом, за весь ярмарочный период вторая крупная транспортная организация использовала около 370 вагонов. Интересно отметить, что Транспорттрест, являясь организацией Н.К.П.С., пользуется вытекающими отсюда преимуществами в смысле получения нарядов на вагоны, ставя себе основной задачей организацию массовых перевозок. Между прочим, в приказе об организации Транспорттреста говорится буквально следующее: «Транспорттресту

предоставляется право организации своей охраны маршрутов, состоящей из слесарей-смазчиков, исполняющих обязанности по обеспечению вагонов от отцепок, вследствие горения буксов, и случаев неисправности в вагонах, во всем согласно с действующими на железных дорогах правилами и с подчинением железнодорожной администрации». Жизнь жестоко посмеялась над этой буквой закона. Наша охрана сплошь и рядом состояла из «смазчиков», которые могли и не быть слесарями, но которые, зная наперед обязательное на узловых станциях горение буксов, обеспечивали продвижение маршрутов, безусловно согласно действовавших на железных дорогах правил и обычаям в полном подчинении по отношению к железнодорожной администрации. В настоящее время борьба со взяточничеством изменит смысл приказа в сторону укрепления моральных устоев наших железных дорог, и, вероятно, в скором времени будет положен конец институту проводников-смазчиков.

Кроме Транспортного Треста и Транс-Волги, на ярмарке были представлены и другие транспортные организации: Доброфлот, Торгово-Промышленное Транспортное Т-во «Транзит», Главная Транспортная контора Третьяковского Торгово-Промышленного Т-ва, Октран и др. более мелкие транспортные организации. Перечисленные организации предлагали свои услуги по экспедиции грузов по железным дорогам, водным и гужевым путям в пределах всей России и за границей, с полной материальной ответственностью за целость грузов, страхование грузов от хищений, пропаж и др. путевых опасностей с выдачей простых полисов Госстраха. На практике в период Нижегородской ярмарки охрана маршрутов сводилась к тому, что маршруты вверялись артелям ответственного труда, действовавшим на основе круговой поруки. Между прочим, студенчество было пионером и главным агентом по охране маршрутов из Туркестана.

Необходимо заметить, что большая часть перевозок выпала на долю Транспорттреста, Транс-Волги и Доброфлота, все же остальные транспортные организации занимались подвозом и отвозом товаров в пределах ярмарочной территории, пользуясь при этом, как гужевыми, так и автомобильными средствами.

Несмотря на незначительность общего ярмарочного грузооборота, необходимо было обеспечить подвоз товаров к Нижегородской ярмарке изменением тарифов и пошлин для грузов Нижегородской ярмарки. До введения льготных тарифов ни один пуд товара на всероссийское торжище не был загружен. Целым рядом последовательных распоряжений Народный Комиссариат Путей Сообщения в конце концов устанавливает следующие скидки с железнодорожных тарифов и водных фрахтов по родам товаров, отправляемых на ярмарку и возвращающихся с ярмарки.

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ ГРУЗОВ	0/0 скидки	Примечание
1	Пушнина	20 %	
2	Табак, табачные изделия и писчебумажные товары	25 %	
3	Рыба сухая и соленая, кожа выделанная, мануфактура, металлические товары, спички, мыло, саломас, посуда стеклянная и фарфоровая, щетина, конский волос . . .	30 %	Н. К. П. С. распоряжением от 14 августа сообщил для руководства, что бумага причисляется к товарам, идущим со скидкой 25%, а мочальные кули, рогожа, лыка, мочало и корье 50%.
4	Рис	40 %	
5	Хлеб, хлопок, шерсть, пеньковые веревки, канаты, мешки, веревочные изделия, кожа-сырец, патока, глюкоза, металлы, металлические изделия, цульфат, деревянные изделия, щепной товар, стекло оконное, фарфоровые и стеклянные изделия, посуда глиняная, овчина всякая	50 %	

Под действие этих льгот вначале подпадали лишь те грузы, которые возвращались с ярмарки в первоначальный пункт отправления в адрес лица, посыпавшего грузы на ярмарку. Однако, сама жизнь потребовала отмены этого ограничения, и обратной скидкой пользовались все без исключения ярмарочные грузы.

В этих льготах ярмарочный товарооборот получил основные стимулы для своего развития.

Сделанный краткий обзор транспорта убеждает нас прежде всего в том, что, вследствие общего ослабления наших межхозяйственных связей, идеи, люди и вещи передвигаются в стране страшно медленно. Предстоит колоссальная работа по воссозданию транспортного хозяйства прежде всего в интересах нашего народного хозяйства в целом, которое в наши дни снизилось к своим экономическим первоосновам и историческим корням. В нашем очерке задачи Нижегородской ярмарки были маленьким эпизодом, на который транспорт реагировал лукавым спокойствием, подсказанным несложностью самих задач, облегченных к тому же всевозможными льготами. Вместе с дальнейшим развитием в стране товарно-денежного обращения—только восстановление водного транспорта на Волжско-Каспийском районе может сделать из этого эпизода большое жизненное дело, с которым сто лег был связан русский ярмарочный оборот. С другой стороны, необходимо продолжить упорную борьбу за дальнейшее восстановление и улучшение железнодорожного транспорта, с судьбами которого всегда неразрывно связаны тер-

говля, промышленность и культура всякого народа. Здесь необходимо организовать преодоление совокупности фактов урона и разрушения удачным взаимодействием всех сторон народно-хозяйственной жизни.

Упавшие крылья железной птицы должны быть подняты. К этому обязывает «возрождение торговых путей», как отражение начавшегося возрождения России и вместе с ней ее восточных республик.

Литература и источники: 1. Проф. Ден В. Э. «Положение России в мировом хозяйстве». 2. Проф. Гриневецкий «Послевоенные перспективы русской промышленности». 3. Стенографический отчет Всероссийского Торгового Совещания, доклад Михайлова и др. 4. Статистические сборники Народного Комиссариата Путей Сообщения за 1922 год. 5. «Экономическое Обозрение» под редакцией проф. Швиттау, Берлин, 1922. 6. Периодическая печать.

Ю. И. ПОСЛАВСКИЙ.

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ
и
ЛИНИИ ТОРГОВОГО ТЯГОТЕНИЯ
ТУРКЕСТАНА.

I.

Нижегородская, а затем Бакинская ярмарки 1922 г. представляют собою явления крупного значения. Первая половина 1922 г. ознаменовалась для Европейской России кризисом сбыта. Возрождение ярмарок должно было устранивать тяжелые последствия того своеобразного голодного перепроизводства, полосу которого переживала РСФСР, вступившая на путь новой экономической политики.

Но указанный кризис сбыта далеко не в одинаковой степени затронул все части РСФСР. В отношении Туркестана можно утверждать даже обратное: несмотря на крайнюю стесненность края в деньгах, как в оборотном средстве, предметы местной продукции, за немногими исключениями, находили сбыт; из Туркестана в первую половину 1922 г. выкачивалось продовольствие, в самом Туркестане возрождались некоторые отрасли,—например, свекло-сахарное дело, считавшееся, безусловно, убыточным до войны.

Ныне, к концу 1922 г., при наблюдающемся в России постепенном изживании кризиса, в Туркестане наблюдается значительная подавленность. И это в тот период, когда наметились благоприятные перспективы в деле бездефицитного сведения туркестанского государственного бюджета. В предисловии к «Хозяйственному плану Туркестанской Республики на 1923 г.» (Пэд. ТЭСа, Ташк. 1922 г.) подчеркивается, что при умелом использовании продналога тот дефицит, который имеется в нашем бюджете, будет устранен. Однако, там же указывается, что одними налогами, одними денежными поступлениями мы не сможем поддержать и развить серьезно нашу промышленность, ни тем более развить сельское хозяйство и ирригацию. Тем источником, который должен облегчить выполнение указанной задачи, как указывается там же, должна явиться государственная торговля, между тем «на торговлю обращалось до настоящего времени чрезвычайно мало внимания».

Бесспорно, вопросы торговой политики в Туркестане приобретают в настоящее время крупнейшее значение, и учет, как линий торгового развития края, так и организационных форм, наиболее удобных для их развертывания, представляет весьма важную практическую задачу.

Поэтому, имея перед собой факт возрождения ярмарок, уместно наметить некоторые общие контуры вопроса об условиях и формах торгового тяготения и развития Туркестана. Сейчас важно сосредоточить внимание на наиболее резко бросающихся в глаза моментах, в силу своей выразительности уже не требующих точного цифрового отображения.

При чрезвычайном многообразии и контрастности хозяйственных форм, существующих на территории Туркестана, проработка вопроса в деталях и недостижима. Но в экономике Туркестана есть цементирующие начала, при пестроте хозяйственных сил, формирующих страну, создающие из этой пестроты устойчивое народно-хозяйственное единство. Поэтому приходится отказываться от деталей, чтобы не загромождать главного.

Где нужно искать «главное»—попыткой наметить соответствующую область и являются дальнейшие строки.

II.

Годы с 1909 по 1913 характеризовались промышленным подъемом Европейской России. Народное хозяйство России развивалось, как «на дрожжах»—так часто определялось то повышательное движение, которое охватило собой Россию и которое было свойственно, но в меньшей степени, мировой довольно коньюнктуре в целом. В России хозяйственный подъем стал даже принимать болезненные формы: ближайшие предвоенные годы проходили под знаком «голода»; спрос не покрывался предложением; движение, начавшееся в сфере тяжелой индустрии по преимуществу, перекидывалось на другие области. Отсюда, общая тенденция в подъеме товарных цен, усиление частной предпринимчивости, поиски кредита. Проявления такого подъема давали основание предполагать перелом коньюнктуры; поэтому проф. М. И. Туган-Барановский, стоя на точке зрения цикличности промышленного развития, предсказывал кризис в 1914 году.

Между тем Туркестан, тесно связанный узами кредитной, торговой и товарно-денежной связи с Европейской Россией, в те же годы переживал подлинный и жестокий кризис, с центром развития его в Фергане. По мнению компетентных и практически заинтересованных наблюдателей, как, напр., Кокандский Биржевой Комитет, создавшаяся обстановка грозила крахом целым отраслям промышленности и торговли, в частности хлопководству и хлопко-промышленности. Война спасла, по мнению многих, Туркестан; он вступил в полосу промышленного подъема, хотя бы внешнего, который был свойственен первым 1^{1/2}—2 годам войны, и для Европейской России являлся продолжением предшествующего повышательного движения. Годы 1915, частью 1916 были периодом изъятия результатов расстройства торговых дел за предшествующие годы, образования в самом Туркестане крупных состояний, расширения до небывалых размеров хлопковых посевов, завершения постройки ряда железно-дорожных веток, создаваемых на частные капиталы (Наманганская и Бухарская), колоссального умножения числа и развития операций учреждений мелкого кредита. Туркестан за это время в своем развитии даже опередил Европейскую Россию.

Факт временного расхождения путей хозяйственной эволюции Туркестана по отношению к Европейской России перед войной, заслуживает глубокого внимания и отнюдь не лишен практического интереса, при оценке современного положения и перспектив на будущее.

Подъем 1900—1913 г.г. в Европе, России был, повидимому, подготовлен всем предшествующим развитием народного хозяйства Имперской России; существовавший общественно-политический режим не мог сковать производительных сил страны в их стихийном росте.

В Туркестане в те же годы были, казалось, все данные, чтобы соединить в этом движении свою судьбу, как составной части Имперской России, с судьбой метрополии. Промышленный подъем здесь форсировался всячески: в этот период были предприняты большие мелиоративные работы — в 1913 г. была закончена постройка Романовского канала, оросившего Голодную Степь, — в 1906 г. общие годовые расходы по водному хозяйству не превышали 15200 руб., в 1907 г. 268.714 р., а за пятилетие 1909—1913 г. на это было израсходовано свыше 8.000.000 руб., т. е. свыше 1600 т. р. в год. С 1908/1909 г. в Туркестане началось усиленное развитие деятельности банков: в первое десятилетие XX в. в Туркестане действовало всего до 10 филиалов русских банковских институтов (комерческого кредита), к 1913 г. их число утроилось (до 30 отделений); не оборот искал кредита, а банки искали помещения капиталов, переманивая клиентов друг у друга, часто искусственно напрягая свои активы; учетно-ссудные операции одного Госбанка, который шел, в общем в хвосте за частными банками, с 29 мил. к середине 900 г.г., возросли к 1913 г. до 130 мил. рублей при стабильности своих пассивов; частные банки увеличивали свои очконы (с 5—6 м. р. до 84 м. р.); капиталов банки не жалели: задолженность населения Госбанку в 1912 г. составляла свыше 27 м. р., то же частным банкам — 123 мил. р.. Возникшие в 1909 г. учреждения мелкого кредита также направляли деньги в хозяйства: общая сумма выданных ссуд к началу войны превышала 10 м. р.. Сооружение частных железнодорожных веток привлекло в край в эти же годы не менее 2—3 м. р..

И параллельно всему шло понижение покупательной способности населения, сокращение оптовой торговли до минимума, крайняя вялость розничной торговли; базары бездействовали; в одной Фергане в 1913 г. было опровергнуто свыше чем на 12 мил. векселей. «Кризис проходил с такой сокрушительной силой, что пережить и выдержать его не могли даже многие старые, солидные местные оптовые фирмы». (Отчет Кокандского Биржевого Комитета за 1914 г.).

Но при наличии такого кризиса в те же годы наблюдалось исключительно финансовое благополучие Туркестана.

С 1908 г. по 1913 русскому Туркестану удалось, впервые за все время существования, свести свой бюджет бездефицитно. Ранее Туркестан требовал приплат из казны на свое содержание ежегодно от 2—3 мил. руб.. Так, напр., средний годовой дефицит за 5-летие 1897—1901 г. достигал 3.800 т. р. (доходы 8.900 т. р., расходы 12700 т. р.), в период подъема 1904—1908 г. средний годовой дефицит за пятилетие приближался к 4 м. р. (доход 14.900 т. р., расходы 19.800 т. р.). Пятилетие же 1909—1913 г. в среднем характеризовалось доходным сальдо до 1.500 т. р. (доход 20.900 т. р. расход до-

19.400 т. р.). С 1914 года под влиянием факторов, первоначально военного, а затем революционного времени возобновилась дефицитность туркестанского бюджета.

Дать более или менее точную характеристику торгового и расчетного баланса Туркестана за последний предвоенный период в настоящее время не представляется возможности. Во всяком случае в отношении к сопредельным средне-азиатским странам торговый баланс оставался «неизменно отрицательным». (Статья И. А. Ремеза. «Движение товаров через туркестанские внешние границы» в «Очерках хозяйственной жизни Туркестанской Республики» под ред. А. Асаткина, Ташкент 1921 г.). При отсутствии прочных расчетно-кредитных связей между Туркестаном и его средне-азиатскими соседями — Афганистаном, Персией, Западным Китаем — дефицит по торговому балансу покрывался вывозом монеты и кредитных билетов. Здесь уместно подчеркнуть то обстоятельство, что Туркестан играл очень важную роль на средне-азиатском востоке, организуя и втягивая в сферу влияния России близлежащие рынки: он давал эгим рынкам не только монету, но и кредитные билеты, особенно 100 и 500 р. достоинства, наделяя таким образом оборот хорошим переводным материалом, легко реализуемым в тех торговых центрах востока, которые были связаны сложными нитями взаимодействия с крупнейшими центрами Запада. Русский кредитный рубль, покрывая пассив Туркестана по торговому и расчетному балансу, отчасти оставался в обороте средне-азиатского Востока (с циркуляцией в пределах Бухары, Хивы, Афганистана, Персии, Западного Китая и, наконец, Индии), как удобное международное средство расчета, частью же шел на Запад по морским и железнодорожным путям и, таким образом, влиял, хотя, вероятно, и очень слабо на понижение русских вексельных курсов.

Годы 1909—1913 являются периодом усиленного ввоза по туркестанским границам из сопредельных стран, но, в связи с кризисом сбыта внутри края, Туркестан имел, главным образом, значение транзитного района по отношению к Европейской России и к сопредельным среднеазиатским странам.

Соответствующие цифры оборотов по внешней торговле с сопредельными среднеазиатскими странами достаточно ярко вскрывают это явление. (И. А. Ремез, цитир. работа).

Г О Д Ы В средн.:	Вывоз	Ввоз	Общий оборот	Пассив по балансу
(В тысячах рублей).				
1903—1905	10.220	14.938	25.158	4.718
1906—1908	12.680	18.081	30.761	5.401
1909—1911	15.054	23.126	38.180	8.072
В 1912	18.888	24.546	43.434	5.658
„, 1913	18.966	27.716	46.682	8.750

Таким образом, максимальные цифры паспорта выпадают на годы торго-промышленного кризиса Туркестана и в то же время его финансового благополучия.

Обращаясь к спецификации товаров, здесь нужно отметить следующее: в импорте в Туркестан преобладающее значение имеет сырье (кожи и т. п.) и жизненные припасы (сушенные фрукты, отчасти хлебные продукты); в общей сложности на эти группы приходится до 70% от общей ценности ввоза, в основной массе идущего через Туркестан транзитом в Европейскую Россию; в экспорте виднейшее место занимают изделия фабричной индустрии Европейской России—до 65% и жизненные припасы, в число которых входит важнейший экспортный продукт данной группы—сахар; и фабричные изделия, и сахар проходят через Туркестан также транзитом, но в обратном порядке. При транзитном значении Туркестана и несомненной пассивности его торгового баланса по отношению к Европейской России, из края тем не менее деньги не вывозились. Наоборот, как общее явление наблюдается импорт капиталов из России для целей, как краткосрочного, так и долгосрочного помещения. Выражением этой тенденции могут служить приведенные выше сведения о развитии ирригационного и железнодорожного строительства, банковского дела и т. п. в Туркестане.

Такова, в общих чертах, внешняя картина довоенного положения Туркестана на скрещивающихся линиях торгового взаимодействия Имперской России со всем среднеазиатским Востоком.

III.

Опыт предвоенного времени имеет весьма важное значение и сейчас в момент углубления в проблемы экономического районирования отдельных автономных частей Р.С.Р.Ф.Р.

Уже предвоенные годы создали некоторую реакцию в умах и стремление пересмотреть официально признанные и поощряемые формулы, чрезвычайно оптимистически расценивающие значение Туркестана в составе Российской Империи: «жемчужина», «богатейший край», «источник освобождения от американской опасности», «драгоценнейшее украшение в российской короне» и т. д.

Несмелые и разрозненные выступления, последовавшие на хлопковом съезде 1913 г. в Туркестане, подчеркивали опасность чрезмерного увлечения хлопководством. Но их голос оказался слишком слабым, даже на фоне кризиса и подавленности хозяйственной жизни Туркестана. Начавшаяся было развертываться дискуссия по данному вопросу к началу войны была заглушина официальными защитниками взглядов на Туркестан, как на сырьевую колонию России. Война же совсем лишила смысла спор об экономической природе и границах хозяйственной автономии Туркестана в составе Имперской России, подъемом 1914—1916 г.г.

Не ставя себе целью исчерпывающего освещения этой проблемы, постаемся кратко наметить некоторые общие контуры вопроса для уяснения, как

линий торгового тяготения Туркестана, так и тех условий, в коих, соответственно со своеобразием хозяйственных форм Туркестана, могут эти линии связи развертываться.

Сельско-хозяйственный уклад страны при весьма важном народно-хозяйственном значении земледелия и скотоводства, как основных источников существования населения, отличается своеобразными чертами.

В целях более выпуклого представления этих черт можно привести для сравнения две таблицы: одна относится к Швейцарии, другая к Туркестану.

Швейцарское хозяйство строится таким образом: (Landwirtschaftliche Jahrbuch 1913. Heft 2 S. 92).

Г о д а:	Mелкие	Средние	Крупные
	хозяйства	хозяйства	хозяйства
1901—1905	(В п р о ц е н т а х)		
Сбыт на рынок	67,63	73,30	81,81
Внутреннее потребление	32,37	26,70	18,19
	100	100	100
1906—1911			
Сбыт на рынок	66,40	77,53	85,10
Внутреннее потребление	33,60	22,47	14,90
	100	100	100

Из этой таблицы можно вывести заключение, что с ростом хозяйства наблюдается большая зависимость от рынка в отношении сбыта, соответственным образом повышается относительное значение денежного элемента в общем бюджете хозяйства.

В Туркестане мы почти не имеем крупных сельско-хозяйственных предприятий. В довоенное время они насчитывались единицами и преобладающее значение денежного элемента в их бюджете представляется вполне естественным. Но сельско-хозяйственные единицы в громадной массе при общем мелко-владельческом строе сельского хозяйства Туркестана складываются совершенно по другой схеме.

Так, например, земледельческие хозяйства, если в основу группировки положить размер посевов, располагаются в следующем порядке: (Сведения относятся к хлопковым районам Ферганы по неопубликованным данным Главн. Управл. Земл. за 1916 г.).

Размер посевов	до 1 дес.	от 1—2 д.	от 2—4 д.	свыше 4 д.
	(В п р о ц е н т а х)			
Денежные поступления	89,6	70	73	63,5
Натуральные поступления	10,4	30	27	36,5
	100	100	100	100

По другим данным (данные К. В. Кошмачевского, приведенные в книге А. Н. Демидова «Экономический очерк хлопководства,—хлопкоторговли». М. 1922 г.), значение денежного элемента в туркестанском сельском хозяйстве выступает еще резче:

Размер посевов	до 0,52 д.	от 0,5—1,08	от 1,08—2,07	2,08	от 3,8 до 13,9
(в процентах)					
Денежные поступления	98,8	94,1	87,6	76,1	61,1
Натуральные поступления	1,2	5,9	12,4	23,9	38,9
	100	100	100	100	100

Хотя приведенные цифры относятся к Фергане, но данные бюджетных описаний по другим областям, напр. Сыр-Дарынской—Чимкентский уезд (Хоз. был кирг., сартов и русск. нас. Чимк. у., изд. перес. упр., Ташк. 1910 г.), в общем подтверждают общую картину: денежный элемент в хозяйстве наиболее сильно выражен в самых мелких единицах; по мере возрастания размера хозяйства увеличивается относительная доля натуральных поступлений в бюджете хозяйства.

Таково положение земледельческих хозяйств. Но и скотоводческие хозяйства находятся приблизительно в таком же соотношении: значение денежного элемента и следовательно связь с рынком возрастает обратно пропорционально мощности хозяйств, определяемой по степени обеспеченности скотом: чем мельче скотоводческое хозяйство, тем больше, как общее правило, оно связано с рынком (Матер. по обсл. туземн. хоз. Турк. пер. упр. по Сыр-Дар., Ферг., Семир., Самарк. (Джизакск. у.) обл., Аму-дар. отд.; Ташк. с 1907 по 1917 гг.).

Таким образом, одной из характерных особенностей туркестанского сельского хозяйства, и земледельческого, и скотоводческого, является связь мелкого производителя с рынком, олицетворяемым местными базарами. Однако, было бы не точно утверждение, что туркестанский сельско-хозяйственный производитель специально работает на рынок, на базар; наоборот, базар работает на производителей. Особенно это оказывается в районах соседнего земледельческого хозяйства. В силу высоко интенсивного характера земледелия при крайней плотности населения на единицу поливной (и посевной) площади, в Туркестане естественно создалась специализация сельско-хозяйственного производства, обусловленная физико-географическими, отчасти техническими факторами. К числу их нужно отнести прежде всего степень обеспеченности хозяйств водой. Запасы последней и порядок поступления ее на поля определяют не столько общую продуктивность сельского хозяйства в количественном, сколько в качественном отношении. Так, под влия-

илем в значительной степени природных факторов, развились в Туркестане до прихода в край европейцев рисовые, хлопковые и другие районы. Такая специализация в производстве одних и тех же продуктов, при почти огородной обработке земли, обусловлена крайней плотностью населения и вызывается необходимостью наиболее полного и рационального приспособления живого и мертвого инвентаря, подвоза и получения удобрения, использования рабочей силы в зависимости от характера культуры. Туркестанский мелкий производитель-дехкан может получить наибольший эффект от своего участка лишь при условии более однообразного использования его площади целиком, а не дробя ее на клинья. Мелкая сельско-хозяйственная ячейка не может перейти полностью к натуральному строю, ибо границы к такому переходу кладутся естественно-техническими моментами: важно использовать возможно полнее воду и рабочую силу не только в самом земледелии, но и в промыслах, с ним связанных. Все эти обстоятельства при невозможности произвольного расширения посевных площадей, порождают периодически избыточность трудовых сил при постоянном сохранении потребительной емкости. Отсюда естественно проптекает тесная связь сельских хозяйств и сельского населения вообще с базаром, который, в сравнительно ограниченной территориальной сфере, является не столько центром массового сбыта товаров, и спроса на продукты массового производства, сколько районным распределителем предметов местной продукции. При контрастности в пределах не только уездов, но и волостей типов земледельческих, скотоводческих, смешанных, промысловых и других хозяйств, базар, как такой распределитель, обеспечивает мелким хозяйством сохранение их независимости и устойчивости. Производитель ищет на базаре не сбыта своих продуктов у неопределенных покупателей, а источника покрытия своих потребностей, не погашаемых натуральными поступлениями внутри хозяйства.

Базар, при данности прочих физико-географических и технических факторов хозяйствования, кладет известные пределы интенсификации сельского хозяйства. Поскольку базар при специализированном характере сельско-хозяйственной продукции не может удовлетворять потребительных запросов производителя, последний оказывается в чрезвычайно тяжелом положении. Как раз в том случае, если хозяйство данного района перестраивается на интенсивный лад, базар не может удовлетворить разнообразных потребительных требований обслуживаемого населения, располагая лишь продуктами, сываемыми производителями, интенсифицирующими обработку своих участков в определенном направлении. Предъявляя спрос на различные продукты потребления базар экстенсифицирует сельское хозяйство, прилегающих местностей: расширяются, где возможно, площади неподивных багарных посевов, избыточная рабочая сила привлекается к развитию кустар-

ных промыслов, продукты коих, поступая на базар, восстанавливают, таким образом, производственно-потребительное равновесие хозяйств района.

Платежеспособность и покупательная возможность населения, таким образом, ограничены теми соотношениями между затратами и результатами, при которых сбыт и спрос всей совокупности сельских хозяев данного района взаимно покрываются, лишь с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. Эти отклонения обусловлены входением отдельных базарных пунктов в более широкую междубазарную связь, посредством которой из отдельных районов извлекаются местные производственные излишки, замещаемые импортируемыми продуктами фабричного производства. В этих сравнительно небольших пределах обеспечен сбыт в Туркестане продуктов русской фабрично-заводской индустрии.

В силу всех вышеуказанных условий базар является распределительным районным пунктом и, как рынок сбыта фабрикатов, характеризуется крайне быстрой насыщаемостью, восприимчивостью к массовым однотипным товарам, а к довольно пестрому ассортименту их. Мануфактура определенных видов, посуда, также определенных качеств, чай (зеленый) — вот в чем базар нуждается почти всегда, но в небольших количествах; железные, скобяные и проч. изделия обеспечены сбытом далеко не всегда; импортируемый извне хлеб — предмет базарного оборота лишь хлопковых районов.

Естественно, что повышение интенсивности сельского хозяйства само по себе мало расширяет спрос; наоборот, чем больше круг хозяйств, хотя бы искусственно, втягивается в перестройку на интенсивный лад (напр., в некоторых районах Ферганы до 90% посевов, под хлопковой культурой), тем более, при прочих равных условиях, замедляется темп базарной жизни; базары утрачивают свое распределительное значение и, не будучи в состоянии превратиться в пункты спроса и сбыта массовых однотипных товаров (этую роль выполняют агенты — комиссионеры оптовых фирм и промышленных предприятий), при естественном сокращении того и другого, или временно атрофируются, или начинают жить в спекулятивной атмосфере. Вместе с тем они отрываются от связи с населением обслуживаемого района и создают крайнюю подавленность конъюнктуры. Поэтому, искусенное стимулирование спроса, путем вталкивания денег в обращение по финансированию в банковском или ином порядке сельского хозяйства, не может устраниТЬ кризис; он лишь отдаляется, но становится еще болезненнее — это и наблюдалось в Фергане, когда в предвоенные годы в Туркестан притекали капиталы, ввозились товары, базары были загружены последними, деньги были дешевые, а населению не на что было покупать. Несколько иными факторами обусловлена зависимость от рынка скотоводческих хозяйств. Вопрос этот одновременно и проще, и сложнее. В результате хозяйственной эволюции скотоводческое население Туркестана, прежде кочевое, стало переходить к оседлому земледельческому хозяйствованию. Процесс начался задолго до войны и революции. Скотовод-

нуждался в хлебе. При наблюдающейся тенденции к взаимному покрытию спроса и предложения по оседлым районам, в Туркестане избытков хлеба не было. Отсюда переход к земледелию. А земледелие на поливных землях порождает все те явления, обусловленные естественно-техническими факторами, о которых говорилось выше. Они лишь усложняются отсутствием тех культурных традиций, которые свойственны оседлым районам, большей зависимостью от торговцев, снабжающих оседающих кочевников тем, что не дает ни скот, ни земля.

Сложность проблемы туркестанского скотоводства заключается в том, что момент оседания далеко не всегда основывается на факте использования новых земель, а гораздо чаще является собой глубокую социальную трагедию: идет борьба за землю, как с ранее осевшими аборигенами, так и с новыми пришельцами, двинутыми в Туркестан из далеких просторов России; один фронт — борьба за землю для хлеба, другой фронт — борьба за землю для пастбища.

Но освещение этой стороны вопроса выходит за пределы настоящей статьи.

Так или иначе, при различии причин, обуславливающих тесную связь отдельных сельско-хозяйственных единиц с рынком, базар является, в общей системе междухозяйственных связей Туркестана, узлом сплетения самых жизненных интересов, самых важных хозяйственных направлений. Базарами поддерживается устойчивость и распространенность мелко-владельческого типа сельского хозяйства, базары связывают воедино и дают определенную окраску отдельным частям Туркестана, базары устанавливают взаимодействие Туркестана с внешним миром. И вся совокупность этих отношений вырастает на основе очень глубоких предпосылок, главным образом физико-географического и естественно-технического порядка, выковавших определенный уклад страны уже много столетий тому назад. Базары Туркестана не только XVII—XVIII в., но гораздо более ранних эпох, окружены были почти теми же посевами культур на тех же полях, как и сейчас; торговля на них велась почти теми же продуктами скотоводства и кустарной промышленности. Европейские фабрики не искоренили все это, а лишь дополнили. Учитывая эти глубокие традиции, и оценка Туркестана, как производственной единицы, могущей изменять и расширять в желаемом, по тем или иным внешним для самого Туркестана целям, направлении свою продукцию — такая оценка и меры практического использования Туркестана для направления производства по новому руслу, должны производиться с чрезвычайной осторожностью.

После всего изложенного можно найти некоторое обяснение ранее указанному любопытному стечению обстоятельств: экономический кризис при финансовом благополучии и, наоборот, финансовые затруднения при торгово-промышленном подъеме (до 1909 и после 1914 г.).

В следующей таблице приведены данные по трем периодам о соотношении доходов и расходов государства по Туркестану; пятилетие 1897—1901 г. взято, как время непосредственно предшествовавшее расцвету хлопковод-

ства, период 1904—1908 г.г., как время промышленного подъема в связи с развитием хлопководства и общей благоприятной конъюнктурой и, наконец, пятилетие 1909—1913 г.г., как стадия кризиса:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ, в тысячах рублей.

1897—1901 г.г. 1904—1908 г.г. 1909—1913 г.г.

Наземельное обложение . . .	4.376	5.232	6.513
Таможенные сборы . . .	1.001	4.312	5.932
Сборы с питей . . .	593	1.430	2.115
Промысловый сбор . . .	575	680	896
Прочие	2.350	3.246	5.444
Всего . . .	8.900	14.900	20.900

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ, в тысячах рублей.

Военное ведомство	9.035	10.886	11.892
Пути сообщения	421	4.671	62
Землед. и землеустройство . .	253	513	2.294
Финансовое вед	888	850	1.301
Народное просвещение . .	372	611	859
Прочие	1.731	2.268	2.992
Всего . . .	12.700	19.800	19.400

При сравнительном постоянстве и устойчивости расходов на военное ведомство (самая крупная статья) самые крупные колебания замечаются в расходах на пути сообщения (железные дороги), земледелие и землеустройство; рост расходов по последней статье обусловлен колонизационными мероприятиями русского правительства. Поскольку с расходами на пути сообщения и землеустройство было связано появление новых районов оседлости, естественно возрастание, но в общем незначительное, поступлений от наземельного обложения. (В общую сумму наземельного обложения не вошли сборы по местным налогам и некоторые другие, непосредственно падавшие на сельское население; с присоединением этих сумм, общая цифра поступлений увеличится до 8,9 мил. руб. в год, в среднем—за пятилетие 1909—1913 гг.). Но не на нем строилось финансовое благополучие Туркестана; оно опирается на сокращение затрат по казенному железнодорожному строительству в расходной части, на повышении таможенных сборов, сборов с питей и «прочих» поступлений по доходной части. Сбор с питей целиком падает на русское население, привлекаемое в Туркестан в предвоенные годы в связи с колони-

зационными мероприятиями русского правительства. Прочие поступления в значительной степени зависели от усиления финансового аппарата, что нашло себе отражение в увеличении расходов по финансовому ведомству.

Наиболее же интересным является рост поступлений по таможенным сборам. Эта статья, учитывая состояние расчетного баланса Туркестана, отражает на себе характер депрессии 1909—1913 г. г. В этот период, как указывалось выше, развивался усиленный ввоз в Туркестан товаров из сопредельных стран в обмен на экспортруемые в покрытие пассива по балансу монету и кредитные билеты, стекавшиеся в Туркестан в чрезмерном количестве. Таким образом, если основываться на росте поступлений по этой статье, то не в самом Туркестане, а в его транзитном положении нужно искать причины финансового благополучия.

Вместе с этим не внутри Туркестана, не в производственных возможностях его сельского хозяйства, даже при перестройке последнего на самый интенсивный хлопководческий лад, открываются перспективы для выхода на более широкие пути народно-хозяйственного общения, а в усилении темпа торговой жизни края, в исторически сложившихся и обусловленных глубокими факторами формах, в его посредническом положении на древних мировых путях средне-азиатского Востока.

Годы войны и революции отчасти устранили последствия довоенного кризиса, отчасти, в связи с рядом социально-политических мероприятий и факторов, направили хозяйственное развитие Туркестана по новому направлению и вскрыли очень ясно некоторые своеобразные черты хозяйственного уклада страны.

Революция и административная практика ее первых годов не убили базара, а вдохнули в него иной дух. Базары стали уходить вглубь страны, и жизнь на них текла оживленным темпом в районах стихийных басмаческих выступлений.

Поскольку искоренить базары не удалось, последние сохранили во все революционное время очень важную роль. Вокруг них группировались земледельческие и скотоводческие хозяйства, причем первые пошли по пути экстенсификации культуры. Так, характер базарной торговли создал стремление к переходу одних мало эффективных при создавшейся обстановке отраслей к другим более эффективным, в настоящее время экстенсивным сельскохозяйственным отраслям. Но в самих хозяйствах внутри, а непосредственно через базар стимулировалась перестройка сельского хозяйства Туркестана. Поэтому было бы рискованным утверждать, что экстенсификация сельского хозяйства была вызвана стремлением хозяйств стать более самодовлеющими натурально-потребительными единицами. При существующей плотности населения в селевых районах, при переходе к земледелию в кочевых областях, эманципация туркестанского сельского хозяйства от рынка невозможна ни при каких условиях. Происходит не ослабление связей, а лишь ее видоизменение. Толчок к перегруппировке сил сельского хозяйства давался извне, из узлов междухозяйственных связей, экстенсификация была

вызвана не кризисом сбыта продуктов промышленного интенсивного земледелия, а стремлением к установлению равновесия между сбытом и спросом продуктов продовольствия, с одной стороны, и предметов кустарной промышленности—с другой. Рост богаты (неподцвенных посевов), так же как и рост кустарных промыслов, об'ясняется излишком трудовых сил при прежних потребительных требованиях и взаимным приспособлением хозяйств по отдельным районам к снабжению друг друга через базар. В связи с изменением хозяйственного уклада внутри страны изменяются линии и формы внешней торговой зависимости Туркестана.

Прежние централизованные поступления фабрикатов из России, через оптовые фирмы при посредничестве сложного кредитно-расчетного аппарата, сменяются случайным поступлением англо-индийских фабрикатов через Афганистан и Персию. В экспорте с 1918 г. начинают фигурировать остатки хлопковых запасов, шелк-сырец, каракуль, ковры и, по старой традиции николаевки и керенки. Но линия движения продуктов приобретает направление в сторону, противоположную Европейской России. Первоначальными приемниками являются сопредельные средне-азиатские страны, сходные с Туркестаном по типу внутренних торговых связей, служащие посредником для направления этих грузов на запад. После первых лет революции в обмен на экспортруемые товары из Туркестана, сюда, кроме англо-индийских, японских, шведских, американских провенансов, начинают поступать и кредитные билеты старых образцов, сохранившие до последнего времени свою циркуляторную силу на всем средне-азиатском Востоке. Революция показала довольно убедительно, что Туркестан близок России только, как транзитный район по преимуществу; в этом его сила и слабость; как самостоятельная производственная единица, он легко перестраивается в сторону тяготения на юго-восток.

Нижегородская ярмарка, затем Бакинская явились первыми симптомами возрождения торговых путей не односторонне, а многосторонне связывающих Туркестан с внешним миром. По своей организационной форме ярмарки являются своеобразным видом базара для всей Средней Азии: базаром весьма широкого и многогранного значения.

Связь древнего русского торжинца с Туркестаном при испрекращавшихся связях Туркестана с сопредельными средне-азиатскими странами вновь включает Туркестан в сферу широкого международного общения.

IV.

Как и всякий базар, Нижегородская ярмарка для Туркестана имеет значение не как место сбыта продуктов массового типового производства, характеризуемого по определенным сортам и стандартам, а как пункт спроса выбираемых в связи с местными вкусами индивидуализированных продуктов и как центр сбыта туркестанских продуктов, прошедших через фильтр внутренних туркестанских базаров. В связи с этим, оценивая перспективы на будущее время, нужно подчеркнуть ограниченное значение Нижегородской

ярмарки, как и всякой другой. Но, неходя из ярмарки, можно наметить некоторые моменты, определяющие линии подлинного экономического тяготения Туркестана в прошлом и определяющие таковое отчасти и на будущее время.

На торговых путях Средней Азии самостоятельное экспортное и импортное значение Туркестана в силу внутренних факторов развития и состояния народного хозяйства в целом невелико. Искусственное форсирование вывоза из Туркестана, соответствующим притоком капиталов и фабрикатов, часто лишь порождает подавленность в общем строе народно-хозяйственной жизни. Но всегда было велико транзитное значение Туркестана. В этом отношении историческая и географическая Туркестан (включая сюда Бухару, Хорезм, частично Афганистан и Западный Китай) являлся действительным звеном связи Евроазиатской России со средне-азиатским Востоком и прилегающими восточными странами. Колониальное и производственное значение коих, несомненно, более значительно, чем значение Туркестана. Без укрепления связи с сопредельными странами вряд ли возможно возрождение Туркестана; он может возродиться, лишь выполняя свою организующую восточный рынок миссию.

Но существу, в применении к Туркестану вряд ли сейчас можно говорить о возрождении торговых путей. То, что отжило, обычно не возрождается; и старые торговые пути, используемые со старыми методами торговой и экономической политики, направленными на извлечение из Туркестана продуктов сельского хозяйства, при существующем его состоянии, вероятно, обречены на бесплодие.

Новые же пути, не возрожденные, а вновь рожденные, могут опереться не на наличное сельское хозяйство, которое в свое время дало, пожалуй, даже больше того, что могло дать, а на пробуждение новых производительных сил, еще не тронутых: новое сельское хозяйство на вновь орошаемых площадях, новая промышленность на новых источниках движения — белый уголь, новая тяжелая индустрия на новых копях и новых нефтяных вышках и т. д.

